

Маги начинают и выигрывают

Ю ЭВА НИКОЛЬСКАЯ

ЗАЧАРОВАННЫЙ ГОРОД N

Annotation

Решили выйти замуж?

Почему бы и нет.

Выходите! Только не связывайтесь с черными котами, повадки которых не вписываются в понятие «обычные».

Не то вместо свадебной церемонии можете оказаться на зловещем кладбище невест в качестве потенциальной покойницы...

Ева Никольская

Зачарованный город N

© Е. Никольская, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Кто сказал, что бег продлевает жизнь? Памятник ему! И цветы на могилку.

Окинув грустным взглядом свое отражение в зеркале, я тяжело вздохнула. На душе, вопреки безупречному внешнему виду, было паршиво. Мучения мои начались еще вчера: принудительная сауна с кучей изматывающих косметических процедур; последняя примерка свадебного платья, от тяжести которого ломило все тело, а также бесконечный сеанс нотаций умудренных опытом родственников. И когда я, изнывая от усталости, с протяжным стоном упала в кресло и жалобно посмотрела на маму, меня отправили спать. Каких-то несчастных пять часов забытья и... все началось сначала. Парикмахер с большой сумкой личного инвентаря явился в семь. Минут через пятнадцать приехала моя сестра со своей подругой-визажистом, а ровно через час подтянулись две портнихи с огромной белой коробкой, в которой, как в гробу, покоился расшитый жемчугом подвенечный наряд.

Под одобрительные реплики родни мастера пытались сделать меня достойной грядущего торжества. И, надо признать, им это практически удалось. Практически... Несмотря на идеальный макияж, на лице сохранилось выражение глубокой усталости, замешанное на полном безразличии к происходящему. Заточив меня в белые «доспехи», утяжеленные милыми, по мнению мамы, «камешками» и длинным шлейфом, «творцы прекрасного» нанесли последние штрихи и, отступив, предоставили своей жертве зеркало. Сестрица одобряюще похлопала меня по плечу и многозначительно подмигнула, а наша общая родительница, рассыпаясь в благодарностях за труды (которые, кстати, были щедро оплачены еще месяц назад), увела из комнаты всех моих мучителей, включая себя. Ее прощальное «Отдыхай, Зоя» долго звенело у меня в ушах как насмешка судьбы, ибо отдых в моем положении — непозволительная роскошь. Если не физическая, то умственная нагрузка уж точно не давала расслабиться.

Оставшись в тишине и одиночестве, я окончательно осознала, куда катится моя бедная жизнь, упакованная в красивую обертку с праздничной ленточкой. В последнем классе школы мне еще верилось, что современные браки заключаются по любви или хотя бы по обоюдному согласию молодоженов. Но стоило стать студенткой, как дорогие родители подробно просветили свою младшую дочь по этому вопросу, чем и поставили жирный крест на наивных фантазиях. А ситуация сложилась следующая: папа — преуспевающий производственник и неподражаемо обаятельный человек — умудрился не просто откопать за пределами нашей чудной державы неприлично богатого инвестора, но еще и завести с ним дружбу, которую вскоре решили закрепить кровными узами, что, по мнению обеих сторон, должно было способствовать процветанию совместного бизнеса. И сын у заграничного дядечки оказался как раз подходящего возраста и характера. Расчетливый, хваткий... весь в отца! Парень, подсчитав все, чем владеет моя семья сейчас, и дивиденды от родительских планов в будущем, воспринял грядущую свадьбу как отличную сделку. А уж только потом поинтересовался персоной невесты, то есть мной.

Хороший мальчик! Симпатичный, подтянутый, двадцати семи лет от роду... чем не мечта любой девушки? Даже моя очаровательная сестричка-фотомодел, ныне пребывающая в декретном отпуске, обворожительно улыбалась ему, когда нас представляли друг другу на

семейном ужине. И, судя по выражению лица жениха, он предпочел бы сегодня видеть перед алтарем ее, а не меня. Впрочем, я не в обиде. Маришка у нас красавица: высокая, стройная, с глазами-фиалками и пухлыми губами, уголки которых, не в пример моих, чуть приподняты от природы. Я же с детства считалась семейным недоразумением: мелкая, лопоухая, с мышиным цветом волос. Но родители одинаково любили нас обеих и баловали по мере сил и возможностей. Хореографические таланты, прекрасная внешность и унаследованное от отца обаяние позволили сестре сделать успешную карьеру, удачно выйти замуж и жить без финансовых вливаний из «фамильного котла», моя же жизнь держалась на плаву исключительно благодаря последнему.

Проваленные вступительные экзамены в Муху*^[1] обернулись обучением на платной основе. Скандал с руководителем первой летней практики тоже урегулировали с помощью денег. А сбитому пешеходу, который выскочил ночью на дорогу перед моей машиной, заплатили столько, что он тут же передумал подавать заявление в полицию, так как сильно увлекся планами постройки новой дачи. И главное: мне никогда не запрещали совершенно не престижное увлечение братьями нашими меньшими, которое год назад вылилось в вечернюю работу в одном из приютов для бездомных животных. Платили копейки, так что сидела я, грубо выражаясь, на шее у родителей и с переменным успехом тянула соки из их кошелька. Не то чтобы я была этим довольна, но продолжала жить так, ничего не меняя. И вот наступил день, когда семье понадобилась моя помощь, точнее, им было нужно согласие на этот выгодный для обеих сторон брак. Разве я могла отказать?

Взгляд моих серых глаз, слегка подсиненных контактными линзами, медленно скользил по отражению, отмечая высокое сооружение из пепельно-русых волос, искусно оплетенное белыми цветами и тонкими нитями жемчуга. Открытую шею и декольте украшало дорогое колье, а расшитый серебром лиф переходил в пышный кокон многочисленных юбок. Под этим атласным нагромождением скрывались обтянутые чулками ножки в туфлях на мучительно высоком каблуке. В них, по мнению мамы, я должна была достойно выглядеть рядом с будущим мужем. Мой маленький рост почему-то всегда смущал ее, и шпильки, это женское орудие пыток, были целиком и полностью ее идеей.

Итак... Сегодня мне суждено стать замужней женщиной, чем я впервые в жизни по-настоящему пораую семью. Через несколько часов моя судьба изменится навсегда, а завтра будет то, о чем мечтает большинство моих однокурсниц и от чего у меня нервно подрагивают руки, а по спине расползается липкий холодок. Медовый месяц, семейная жизнь... жуть! Да, я боялась. Но искусно маскировала свои страхи, не желая расстраивать родных. Как там гласит пословица? Стерпится — слюбится!

Подумаешь, свадьба! Жених симпатичный, церемония оплачена сотнями тысяч евро, понаехала уйма гостей, а церковь для венчания и вовсе в сказочном месте находится. Небольшая такая, старая, в окружении причудливо петляющих дорожек, вдоль которых растут белые розы. В советские времена в храме располагалось какое-то хранилище или библиотека, а теперь здание восстановили и используют по назначению. Настоящий раритет! Очень уж мама моя на такие необычные места падкая. Как раз в ее духе убить двух зайцев одним махом: и нас с Ником поженить, и гостям местные достопримечательности показать.

Регистрировать наш брак родители договорились на родине сватов, а вот венчаться здесь. Хорошо еще, что вероисповедание совпало, в противном случае проблем бы добавилось. Но, к счастью, семья жениха имела русские корни.

От недавних нудных напутствий, указаний и нравоучений меня слегка мутило. Или это от голода? С утра я по требованию мамы только стакан сладкого чая выпила: натошак, мол, платье лучше сидит и талия уже. Куда еще уже-то? Пятьдесят семь сантиметров, затянутых в корсет, а ей, поклоннице тощих манекенщиц, все много. Отловив пробегающую мимо родительницу, я хотела узнать, как она умудрилась без свидетельства из загса уговорить священника провести обряд, но та лишь отмахнулась, буркнув: «Не сейчас». Что ж, полагаю, и этот вопрос уладили традиционным финансовым способом.

Часы тикали, отсчитывая последние минуты моей свободы. Чтобы не продлевать «агонию» бестолковыми размышлениями, я решила смотреть на все будто со стороны. Так и приятней, и веселее. Чай не каждый день на свадьбе бываю, да еще и столь шикарной. К подъезду уже подъехали четыре белых лимузина, за ними выстроилась вереница машин поменьше с ленточками на зеркалах. Ни выкупа, ни прочей ерунды. Все чинно, по-светски. Жених ждет внизу, гости тоже. Сначала в церковь, потом в ресторан и в завершение программы — отцовский загородный дом с обширной благоустроенной территорией, где всё давно готово для трехдневного праздника.

Пф-ф-ф... ну, поехали, что ли...

Возле церкви...

Белые, будто снежные хлопья на темной зелени куста, и такие ароматные...

Я с искренним восхищением изучала розы, которые мне нравились гораздо больше, чем окружающие люди. Гости разбились на группы и вели приглушенные разговоры в ожидании намеченного торжества. Друзья вокруг... Семейные, не мои. У меня в подружках числилась пара однокурсниц, которые были не прочь лишний раз пообедать за мой счет, точнее, за папин, но из моего кармана. Были еще хорошие знакомые с работы, но их приглашать на венчание мама категорически запретила. Вот оно! Социальное неравенство. Никакие законы не могли заставить добровольно сесть за один стол холеную богатую даму с простыми работниками ветеринарки, не говоря уже о тех сотрудниках приюта для животных, которые подстилки чистили и выгуливали животных. Хотя для меня исключение все же делалось — со мной мама за одним столом сидела, за что ей отдельное спасибо.

— М-м-м... Розы... — Моя тонкая кисть с безупречным маникюром, стоившим мне кучу нервов, а родителям не меньшую кучу денег, сама потянулась к раскрытому цветку, на краю которого балансировала большеглазая стрекоза. — Ой, — слетело с губ, когда порыв ветра качнул ветку, испугав летунью.

Впрочем, испугалась не только она. Отпрыгнув в сторону, я запуталась в собственных юбках и едва не упала. Несколько секунд искала логическое объяснение изумрудным глазам, которыми оценивающе смотрел куст. Наконец до меня дошло, что ничего потустороннего в этом хищном взоре нет. Растение не обзавелось органами зрения, и у меня не поехала крыша. Просто какой-то проворный кот умудрился обустроить местечко для летнего отдыха среди роз. Всего-то!

— Кис-кис, — улыбнулась я, изучая темный силуэт сквозь решетку из колючих веток. — Привет, малыш.

Глаза кота моргнули и исчезли в бело-зеленых зарослях. И ведь ни звука не издал, ни

шороха, словно привидение, а не живой зверь. Был и нету. Может, почудилось с недосыпа? Я медленно развернулась, намереваясь присоединиться к будущим родственникам, что-то оживленно обсуждавшим с папой. Но первое, что увидела перед собой, это все те же изумрудные глазищи, правда, теперь они были в комплекте с остальными частями животного, спокойно восседавшего на тропинке.

Черный кот с ухоженной блестящей шерстью скептически изучал мое громоздкое одеяние, мягко постукивая длинным хвостом по каменным плитам. Я, конечно, тоже была не в восторге от своего наряда, но реакция кота отчего-то напрягала. Каким-то слишком уж умным был его взгляд. Пока я размышляла о нетипичном поведении зверя, он плавно поднялся и, приглашающе махнув хвостом, шагнул в сторону увитой плющом изгороди. Я вздохнула, понимая, что аудиенция окончена, однако вскоре обнаружила, что четвероногий незнакомец выжидающе смотрит на меня.

— Прости, мне нужно к гостям, — сказала ему. — Скоро уже начнется вся эта... — Сделав неопределенный жест рукой и подхватив юбки, я направилась к церкви.

Кот одним красивым прыжком вернулся на тропинку и снова преградил мне дорогу. Теперь он смотрел почти угрожающе. Глаза, разрезанные острыми линиями зрачков, сузились, приглушив недовольный блеск. Решив, что он хочет ласки, я виновато развела руками — нагибаться в расшитой жемчугом «скорлупе» было сложно. Он продолжал сидеть, ожидая, и я сдалась. Шаткие каблуки под тяжестью моего свадебного одеяния жалобно скрипнули и подкосились. Однако я, к своей гордости, не только устояла, но и протянула руку к коту. А он, зараза усатая, увернулся, не дав до себя дотронуться. Бесшумно скользя по траве, зверь снова направился к изгороди.

— Да что тебе от меня надо? — прошипела я, хмурясь. — То зовешь, то сбегает... Иди своей дорогой, приятель. У меня и так сегодня день тяжелый.

Высказав наглецу свое недовольство, отправилась к гостям, мысленно радуясь, что с такого расстояния они не слышали мои беседы с безмолвной животиной, а то бы решили еще, что у невесты на нервной почве случилось помутнение рассудка. Я успела пройти всего несколько шагов, как угольно-черный зверь снова вырос на моем пути. Он принял боевую стойку и, выгнув спину, продемонстрировал белоснежные клыки, слишком уж внушительные для его пропорций.

— Ну-ка, бр-р-рысь! — рывкнула я, махнув зажатой в руке юбкой. — Иди гуляй, чудовище зеленоглазое! Мне и без твоих выходов тошно.

Кот, не меняя позы, вздыбил шерсть.

— Ладно, — вздохнула я, невольно задумываясь о сверхъестественном предупреждении в виде этого земного «ангелочка», от колючего взгляда которого у меня по спине мурашки забегали. — Ну, давай, показывай, чего ты хочешь?

Он снова сделал шаг к изгороди и вопросительно посмотрел на меня.

«О боги, неужели в моем будущем все так печально, что даже животные против венчания?» — мелькнула тоскливая мысль, но небожители остались глухи к вопросу, чего нельзя было сказать о коте. Он не сводил с меня прищуренных глаз и ждал... почти терпеливо.

— Ну-у-у, — протянула я, — пойдем посмотрим, куда ты меня зовешь. Пять минут прогулки по ближайшим окрестностям погоды не сделают, мама до сих пор не появилась на крыльце, а это значило, что к церемонии пока не всё (или не все) готовы. Так что время у нас было.

Молчаливый спутник согласно кивнул и заскользил рядом. Он передвигался по аккуратно подстриженной траве с такой легкостью, будто ничего не весил. Этот зверь не пугал меня, нет. Я привыкла справляться с разными эмоциональными проявлениями своих подопечных, работая в приюте. Да и котяра не производил впечатления бешеного, скорее требовательного и наглого, что для их вида не редкость. Перед узенькой калиткой он нырнул под кованые прутья, переплетенные в простом узоре. Оказавшись по ту сторону изгороди, обернулся.

— И мне туда, что ли? — спросила я неуверенно.

Когда точеная мордочка с пушистыми черными усами утвердительно кивнула, я ощутила, как задрожали колени. Схватившись рукой за калитку, смогла вернуть себе устойчивость, но тут же снова качнулась, ибо железная створка подалась вперед, освобождая проход. Засов не был закрыт, поэтому вес моего тела заставил калитку отвориться. Кот ждал, а я обдумывала увиденное. Животные, конечно, умны, но чтобы так по-человечески кивать?! Острые когти поскребли плиты дорожки, а зеленые глаза с вызовом посмотрели на меня. Почему-то очень захотелось развернуться и пойти туда, где толпились неприятные, но вполне понятные люди. Но вместо этого разумного поступка я шагнула за калитку. Пейзаж, раскинувшийся передо мной, дрогнул и смазался, словно затянутая полупрозрачной пеленой картина. Мое тело по инерции прошло сквозь загадочную дымку, не испытав каких-либо тактильных ощущений. А потом «туман» рассеялся...

В ноздри ударил отвратительный запах, и перед расширенными от изумления глазами предстала большая каменистая пустошь, за которой теснились красно-коричневые горы. Их пики тянулись ввысь, словно гигантские когти монстров, стремящихся захватить в плен светило. Бледно-лиловое светило! Хотя нет, скорее белое. Но в окружении розоватых облаков оно казалось именно таким. Не в силах оторвать взгляд от чужого солнца, я инстинктивно шагнула назад. Раздался противный хруст, каблук проехал по чему-то скользкому, и, очнувшись от небесного наваждения, я посмотрела вниз.

Удивление сменилось шоком, а на приоткрывшихся губах замер немой крик. За спиной больше не было церкви и сада, там раскинулась незнакомая равнина, которая тянулась на несколько километров. Ее сплошь покрывали мелкие камни, бугры и... человеческие останки. Кот обошел меня по кругу, став наполовину прозрачным. Лишь изумруды его глаз по-прежнему ярко горели. Правда, теперь в них читались совсем другие эмоции: насмешка и скептическое ожидание. Именно этот взгляд вывел меня из оцепенения и по-настоящему

разозлил.

Мертвые тела... Бурые пятна на серых камнях... поломанные кости, скелеты, черепа... куски полуразложившегося мяса в обрывках истлевшей материи... Судя по многочисленным останкам, погибшие были празднично одеты. Мертвецы лежали повсюду. От еще не потерявших человеческий вид до окончательно иссохших. В шоковом состоянии я смотрела на более свежие трупы. В голове крутилась лишь одна страшная мысль: «Это невесты!» Усиленное линзами зрение позволяло четко видеть тех, кто рядом, и размыто — то, что вдали. Но сил сдвинуться с места и отправиться на чудовищную экскурсию у меня не было. Желания тоже.

Возле моих ног неряшливыми кучками покоились останки двух женщин. Белое платье одной рябило багровыми разводами, а изорванная в клочья фата едва прикрывала обезображенное лицо. У другой жертвы головной убор отсутствовал, впрочем, как и сама голова. Зато руки, сжимавшие букет, остались почти нетронутыми. Сколько времени эти мертвецы пролежали здесь? День или больше? Цветы завяли и высохли, а кровь превратилась в потрескавшуюся корку.

Мой пустой желудок заходился в судорогах от тошнотворного запаха. А в голове, как огонек надежды в бескрайнем море ужаса, вертелось: «Это галлюцинация, бред... страшный сон и ничего более». Но безумная картинка не думала исчезать, поражая своей отвратительной реалистичностью. Тающая в воздухе кошачья физиономия нагло подмигнула мне и растворилась прежде, чем я, очнувшись от потрясения, успела дать ей пинка.

— Ш-ш-ш — р-р-р — мр-р-разь! — Ядовитое шипение перешло в рычание, вернув мне дар речи.

Я зажмурилась, затем открыла глаза — пейзаж не изменился. Больно ущипнув себя за локоть, приобрела синяк, но, увы, не проснулась. Наваждение не желало уходить, а разум отказывался верить, благодаря чему вместо паники мной овладела спасительная заторможенность. Движения стали механическими, мысли медленно текучими, ощущения какими-то невнятными, будто все происходило с кем-то другим, а я была лишь сторонним наблюдателем, оставшимся за кадром. Но за кадром, к сожалению, осталась и та черная тварь, что заманила меня сюда. Мне же было судьбой уготовано очутиться в самом центре событий, которые не преминули начать свое неизбежное развитие.

Огромное существо, выскочившее из леса, стремительно набирало скорость, заставляя разлетаться в разные стороны стервятников. Громкий вопль пронесся по «кладбищу невест», обозначая приближение монстра. Мне хватило одного взгляда на него, чтобы кинуться прочь, ломая на ходу тонкие каблуки. Юбка цеплялась за острые выступы, ноги немели от болезненных ударов о камни, а позади ревели уже несколько чудовищ. Впереди чернел лес... слишком далеко! Когда гора останков, по которой я пробиралась, начала сотрясаться от поступи ящеров, стало ясно — мне не сбежать. Рухнув плашмя на чьи-то кости, я взвыла, но голос потонул в торжествующем вопле монстра, застывшего за моей спиной. Повернув голову, я встретила горящий желтый взгляд и снова застонала, теперь уже от отчаяния.

«Бум!» — радостно подпрыгнул пришелец, сильно смахивающий на огромного динозавра с непропорционально крупной головой.

Меня подбросило вверх вместе с камнями и чьими-то останкам. Плюхнувшись обратно, я оказалась лицом к лицу с девушкой, чье тело было изъедено червями и разорвано птицами, а разорванный рот застыл в искаженной гримасе предсмертного вопля. Сглотнув, я почувствовала мучительный приступ тошноты. Отшатнувшись от покойницы, я медленно

поползла к груде костей, желая зарыться в эту жуткую кучу и затаиться. Авось ящеры сочтут меня за мертвую и потеряют интерес. Но не успела я под неоднозначное урчание монстра продвинуться на несколько метров вперед, как длинный шлейф подвенечного платья был схвачен его острыми зубами, и тело мое, словно мяч, подпрыгнуло от резкого рывка вверх. Рухнув обратно, слышала хруст костей и только потом осознала, что не моих. Однако радость была недолгой.

Динозавр затряс головой, после чего резко повернулся назад, посмотрел на собратьев, чьи голоса по-прежнему разносились над пустошью, и помчался прочь вместе со мной в качестве добычи. Я летела, подвешенная на шлейфе, периодически уклонялась от крупных камней и скоплений какого-то мусора, извивалась и втягивала голову в плечи, боясь ее потерять. Было так страшно, что боль попросту не чувствовалась. Платье трещало и рвалось, жемчуг осыпался, канула в небытие одна из контактных линз, а чудище бежало дальше, не заботясь о сохранности своей ноши. Но все это показалось сущим пустяком, когда в нескольких сантиметрах от моей макушки щелкнула исходящая слюной пасть с двумя рядами острых желтовато-серых зубов — нас нагнал еще один претендент на рагу из невесты. Он отпихнул в сторону третьего сородича, самого маленького и визгливого.

Поймавший меня ящер яростно замотал головой, чтобы не дать соперникам отобрать «дичь». Тело мое украсилось живописными ссадинами и синяками, а может, и чем похуже, но бояться всего сразу не получалось. Уворачиваясь от встречных препятствий и недружелюбных челюстей, я даже не пыталась о чем-либо думать: отстранившись от происходящего, сознание благополучно отдыхало, работал лишь инстинкт самосохранения. Очередной смертоносный оскал сомкнулся позади, чуть не прихватив с собой мой скальп. Но «динозавр», державший шлейф, сделал резкий выпад головой в сторону и вверх, отчего мое тело взмыло в воздух, оставив с носом неудачливого охотника за человечиною. На этот раз, падая, я угодила прямоком в гостеприимно разинутую пасть своего похитителя. Последнее, что заметила перед тем, как, сгруппировавшись, рухнула в темное нутро ящера, были его сородичи и какие-то летающие твари на фоне розовых облаков — бесстрастных, спокойных и... будто бы замешанных на крови.

«Птеродактили», — равнодушно выдала память. Во рту монстра воняло не меньше, чем среди трупов, столь же головокружительно-тошнотворно. Огромные челюсти сжались, издав громкий щелчок, но не задели моего скользящего по влажной плотке тела. «Хруп!» — и меня, как шарик на резинке, дернуло обратно. Зацепившийся за клыки шлейф не позволил провалиться в мерзостную темноту. Но что же делать дальше, как спастись?! Я инстинктивно пошарила рукой вокруг. Скользко, бугристо, горячо... Противно! «Хр-р-руп...» — снова раздалось сверху как предупреждающий сигнал о том, что у ткани есть предел прочности.

Пытаясь укрепить свое положение, я вцепилась в первое, что попало под руку. Склизкое и длинное, оно висело рядом. Впившись в звериную плоть сломанными ногтями, поняла, что сотворила великую глупость. Стенки огромной пасти начали ходить ходуном, ящер резко дернулся, разжав челюсти, и... спасительный шлейф не выдержал. Из-за сильной вибрации я лишилась опоры, напоследок оставив несколько борозд от ногтей на ее скользкой поверхности. Но стремительное падение вниз сменилось не менее поспешным полетом обратно — чудовище вырвало. Выплюнув меня, ящер отступил, его по-прежнему тошнило. Две другие особи замерли напротив и тупо смотрели на происходящее, в то время как я медленно поднималась на ноги, мысленно проклиная и монстров, и ката, и всю эту

альтернативную реальность. Лучше бы я замуж вышла, честное слово!

Раздавшийся сверху смех прервал мои раздумья, а заодно и вывел из ступора ящеров. Все, кроме того бедняги, что до сих пор не мог совладать с истерикой желудка, посмотрели на источник подозрительного звука. Они — повернув к нему свои большие морды, и я — вытирая заляпанное гадостью лицо. Три странного вида «птицы» кружили над нами, плавно снижаясь. Все ближе и ближе... в какой-то паре метров от меня. Даже с одной линзой я вполне могла их разглядеть. Динозавры не выказывали никакого удивления или недовольства, будто присутствие небесных визитеров было чем-то вполне обычным.

Новоприбывшие, как выяснилось, больше напоминали мифических виверн, нежели птеродактилей, но обладали своими индивидуальными особенностями. Каждое из крылатых существ имело по три когтистые лапы и узкую морду с торчащими из пасти клыками. Фиолетовые прорези глаз смотрели холодно и без интереса, а на плоских лбах красовались какие-то светящиеся символы. На спинах летающих ящеров сидели люди, вернее человекоподобные существа с белой кожей и в странной одежде. Бледные господа надменно взирали на меня с высоты, а один из них откровенно потешался, прикрывая ладонью нос. Видимо, амбре этого места не оставило его равнодушным. Мне же было уже на все наплевать. Обоняние притупилось, как и боль, страх ушел, вероятно, не выдержав столь изощренной пытки.

— Ну? И что тут смешного, идиот белобрысый?! — злость оказалась сильнее осторожности, и вместо мольбы о спасении я с такой яростью заорала на всадника, медленно пролетавшего рядом, что даже сухопутные монстры шарахнулись. Обозвала его, ну а что? Он ведь все равно меня не понимает. Не понимает же, да? Или нет?

Незнакомец был достаточно близко, чтобы рассмотреть его внешность. Белый, словно скульптура, вылепленная из чистого снега. Стриженные волосы на макушке контрастировали с гладко выбритыми висками и длинным хвостом на затылке, а светящиеся голубые глаза и острые уши вызывали ощущение нереальности, как и цвет его кожи. В ответ на мой гневный вопль блондин лишь удивленно приподнял серую бровь и... снова расхохотался, точнее заржал. Не-е-ет, не идиот! Сволочь он бритоголовая! То есть бритовисковая. Эмоции во мне продолжали клокотать, выжигая зародыши здравого смысла. Просить о помощи его? Его?! Да разве он станет помогать? Скорее подождет, когда меня начнут рвать на куски эти милые «динозаврики» и вдоволь повеселится, наблюдая.

Виверна с такой же белокожей и беловолосой наездницей пролетела справа, едва не задев мою голову краем перепончатого крыла. Глаза женщины полыхнули красным, когда в ее раскрытой ладони начал формироваться алый шар, который через пару секунд эта молчаливая особа швырнула в меня, мерзопакостно улыбаясь. Машинально отскочив, я возблагодарила природу за заложенные в нас рефлексy. Земля вперемешку с прочей гадостью фонтаном взвилась вверх, осыпав меня мелкими камнями и всем тем, чего на мне и так хватало.

— Ошалела что ли, ведьма красноглазая? — заорала я. — Хочешь прикончить, так целься лучше, поганка бледная!

То ли она вняла моей просьбе, то ли это и так входило в ее планы, но в белоснежной руке материализовалась очередная «бомбочка» и, естественно, тут же полетела в меня. Что ж, получи заказанное, дура. Закрыв глаза, я подумала, что такой способ уйти из жизни все-таки более привлекателен, нежели пищеварительная система ящера. Взрыв прогремел где-то в воздухе. Меня обдало сильным порывом горячего ветра, но с ног не сбило. Сквозь

слипшиеся ресницы я с недоумением взглянула на всадницу. Она удивленно смотрела на все еще улыбающегося блондина, чья виверна парила между нами, поднимая крыльями ветер. Мужчина сделал странный жест, проведя ребром ладони перед своим лицом, и отрицательно мотнул головой. Боковым зрением я уловила изумление на физиономии третьего наездника. Он тоже был белым, как плесень, с выбритой на виске полосой. Желтое пламя, охватившее его руку, в считанные секунды трансформировалось в хищно сияющий шар. Но этот всадник в отличие от спутницы расставаться со своим творением не спешил.

Когда глаза вдоволь навеселившегося мужчины начали светиться ярко-голубым, мне почему-то подумалось, что было бы лучше сдохнуть еще в пасти монстра. Блондин, которого я вслух и мысленно уже успела всячески окрестить, тронул поводья, вынуждая своего крылатого зверя медленно облететь вокруг меня. Близко. Стоило руку протянуть, чтобы коснуться крыла. Но я не решилась. На губах аборигена играла странная улыбка. И, глядя на нее, я поняла, что этот тип все больше напоминает мне лиса, причем арктического. Белого пушистого песца, приход которого не сулит ничего хорошего. Узкий в кости, но широкоплечий, облаченный в одежды снежных оттенков, этот... это существо производило очень противоречивое впечатление. Скользкий, опасный и странно притягательный. Уголки его бледных губ чуть подрагивали, глаза по-прежнему светились, а в руке, перекатываясь, сияли две лазурные сферы. Изучив меня, как диковинную зверушку в зоопарке, всадник взмыл вверх, откуда швырнул светящиеся шары в оторопевших чудовищ.

Один взорвался на месте, «украсив» и без того ужасный ландшафт свежими кровавыми ошметками. Второй — тот, что был самым мелким из компании, успел отпрыгнуть и с душераздирающим воплем бросился наутек. Чешуйчатый бедняга, у которого я вызвала несварение, погиб так же, как и его бывший конкурент. Добив ящера, всадник с выбритыми висками кивнул подчиненным и направил свою крылатую рептилию прочь. То, что он был среди этой троицы главным, сомнений не вызывало. Удивляло другое: женщина и второй мужчина, отправляясь вслед за предводителем, бросали на меня взгляды, полные замешательства, неуверенности и... ужаса. Нет, я, конечно, не лучшим образом выглядела, перепачканная смердящей жижей, смешанной с моей и чужой кровью, но чтобы смотреть вот так... Это уже слишком!

Они исчезли за деревьями, а я осталась в окружении стервятников, накинувшихся на свежую мертвечину. Огляделась — горы были гораздо ближе леса. Выбрав сторону, противоположную той, куда улетели блондины, я побрела к красно-коричневым скалам. Встречаться с белокожими аборигенами больше не хотелось. Да и сориентироваться будет проще, если удастся вскарабкаться повыше. Не говоря уже о безопасности, ведь похожие на динозавров ящеры с их комплекцией вряд ли умеют лазать по горам.

До бурых пиков я добралась довольно быстро — видимо, монстры не одну сотню метров протащили меня по пустоши в их направлении. Доковыляв до ближайшей скалы, перевела дыхание, а потом начала восхождение. Шаг, другой... под израненными ступнями осыпались камни. Глядя перед собой, я продолжала карабкаться, цепляясь разбитыми в кровь пальцами за острые выступы. Только бы подняться, забиться в какую-нибудь пещеру и передохнуть.

От меня воняло, кожу жгло, будто крапивой отстегали, а еще ужасно ломило суставы. Но я, словно заведенная, продолжала подниматься, старательно выискивая наиболее удобные для шага места. Сорваться и стать очередным экспонатом на местной выставке мертвецов мне не хотелось. И все же, громко вскрикнув, я выпустила опору. Однако, к моему великому удивлению и огромной радости, полетела не вниз, а вверх. Чьи-то сильные руки схватили

меня за запястья и втащили на неровный выступ, где благополучно поставили на ноги, прислонив спиной к поверхности скалы. Я посмотрела на своего спасителя и подумала, что мой личный список местного населения пополнился еще одним экземпляром. И было очень досадно «благоухать» и выглядеть так непотребно перед *ним*.

Если хорошенько раскинуть мозгами, то потом их можно и не собрать.

Парень лет двадцати на вид с искренним восхищением изучал меня, и почему-то я была уверена, что дело вовсе не в моей «ослепительной» внешности. Наверняка он оказался случайным свидетелем той мясорубки, из которой мне немыслимым образом удалось выбраться живой. Не сожрали ящеры, не взорвали белолицые всадники, сама не убилась, по горам ползая, — действительно есть чем восхититься! Незнакомец был красив. Выше меня головы на полторы, с кудрявыми светло-каштановыми волосами, собранными сзади в короткий хвост. Ото лба к затылку до самого скрепляющего жгута тянулись тонкие косички, делавшие прическу более гладкой. Но даже они не могли совладать с непослушными завитками у висков. Крупные черты загорелого лица, массивный подбородок и большие золотисто-карие глаза, неотрывно следящие за каждым моим движением, — ну чего еще можно желать от внешних данных мужчины?

А фигура, м-м-м, просто мечта! Грубая ткань короткого плаща не скрывала ширину его плеч и длину ног, облаченных в штаны темно-коричневого цвета. Короткие сапоги с острыми носами и подозрительно малым количеством швов завершали картину. На руках у этого человека (а мне очень хотелось думать, что он именно человек, а не очередная непонятная двуногая особь) были тонкие бежевые перчатки без строчек и стежков. Их будто «выплавили» из материала, сильно смахивающего на замшу. Дорожная сумка той же расцветки небрежно висела у бедра хозяина. Большая, вместительная и, судя по раздутым бокам, хорошо укомплектованная. Пряжка в виде полумесяца тускло отсвечивала на солнце, вернее, на том бело-лиловом диске, который занимал свое законное место на небе.

Пока я блуждала в дебрях собственных размышлений, понемногу отходя от недавних потрясений, выражение лица незнакомца изменилось. На гладком лбу пролегла вертикальная морщинка, золотистые глаза сузились, а красивой формы губы сжались в тревожную линию. Его что-то сильно беспокоило. Откинув край плаща, парень принялся торопливо копать в своей увесистой сумке, пока не извлек оттуда темный флакон с завинчивающейся крышкой. Я замороженно наблюдала за тем, как движутся его пальцы, как колышутся складки плаща, и очнулась, лишь когда мужская рука, откупорив миниатюрный сосуд, поднесла его к моему рту.

— Э-э-э, нет, — пробормотала я, отвернувшись, и чуть отодвинулась в сторону, держась за край скалы.

— Аш-ш-ше-ар*! — слетевшие с мужских губ слова походили на ругательство, брови парня сдвинулись на переносице, а потемневшие глаза сверкнули золотыми искрами раздражения.

«Убедительно», — подумала я, но желания пить неизвестное снадобье не прибавилось.

Незнакомец шагнул ко мне, нисколько не опасаясь упасть с узкого горного уступа, на котором мы стояли. Невзирая на протесты, грубо взял меня за подбородок и бесцеремонно влил в рот часть темной жидкости, а потом проследил за тем, чтобы я все это проглотила. Пришлось подчиниться. Во-первых, против силы не пойдешь, во-вторых, вкус у напитка оказался очень даже приятным: какая-то хмельная помесь мяты и лимона с чем-то

неизвестным. По горлу сразу же разлилась освежающая прохлада, усталость отступила, а вместе с ней притупились боль и жжение, которые напомнили о себе сразу, как только угроза миновала. Глотнув странное зелье, я как будто стала меньше весить. От необычной легкости захотелось танцевать, но слишком узкая каменная площадка остановила меня от этого сумасшедшего порыва. Голова слегка кружилась, как после хорошего вина, а щеки под слоем подсохшей грязи начало чуть заметно покалывать.

Златоглазый лекарь убрал флакон обратно в сумку и улыбнулся, видя отразившиеся на моем лице перемены, потом крепко взял меня за руку и повел за собой. Я даже и не думала сопротивляться. Кем бы ни был этот парень, с ним я чувствовала себя в гораздо большей безопасности, чем одна или в обществе зубастых рептилий, не говоря уже о компании белых всадников. Мы шли по неровной тропе вдоль холодной скалы. Искореженные туфли давили ноги, но снять их я не решалась, прекрасно понимая, что окончательно изрежу ступни. Камни сыпались вниз практически от каждого моего движения, заставляя меня невольно вздрагивать. Спутник, напротив, двигался с кошачьей мягкостью и необычной для его комплекции бесшумностью. Иногда он останавливался, давая мне передохнуть. Это было очень благородно с его стороны и предусмотрительно, ибо мои легкие не привыкли к таким нагрузкам; я искренне побаивалась, что, пережив «кладбище невест» и «звездопад огненных шаров», помру от банальной одышки. А потом мы снова петляли между острых выступов, пробираясь наверх.

Каменистая равнина с высоты выглядела иначе. Кучи костей среди серо-коричневых камней и редкой растительности больше походили на бутафорию, некий извращенный замысел полоумного дизайнера. Композицию дополнял долетающий снизу запах, который за последние часы стал для меня привычным. Органы чувств адаптировались к ситуации и снова начали исправно работать, позволяя воспринимать все, что творилось вокруг. Я искренне удивлялась стойкости собственного организма. Еще вчера меня могло стошнить от одного только вида заплесневелой еды, а сейчас мне, честно говоря, были совершенно безразличны кладбищенские «благовония», не говоря уже о той пахучей дряни, разводы которой по-прежнему покрывали мое тело. Иногда шок — полезная штука...

Спутник настойчивее потянул меня за руку, когда я зазевалась, как ворона, изучая окрестности. Кое-где бродили новые ящеры, и мне с безопасного расстояния было жутко интересно разглядывать их силуэты. Парень же, идущий рядом, постоянно всматривался в небо, бросая задумчивые взгляды на черный лес. Напряжение в его пальцах не спадало ни на минуту, лицо приняло сосредоточенное выражение. Пару раз я пыталась завязать разговор, чтобы на языке жестов вывести хотя бы имя своего спасителя. Но он делал знак замолчать, и я подчинялась. Мне хотелось спокойствия и безопасности, поэтому я покорно шла за ним, не приставая больше с расспросами.

Наконец мы добрались до узкого прохода, за которым зияло черное нутро пещеры. Мой спутник решительно потащил меня туда, проигнорировав мою выразительную жестикуляцию и отчаянное мотание головой. В крошечной темноте этот абориген чувствовал себя как рыба в воде. Я же, подавляя дрожь в коленях, цеплялась трясущимися пальцами за его плащ и семенила следом, практически касаясь кончиком носа мужской спины. Пусть мне не пять лет, а почти девятнадцать, но темнота, да еще и в незнакомом мире, доказавшем свою враждебность, вызывала совершенно обоснованный дискомфорт. А парень шел себе вперед, будто знал наизусть каждый участок горного тоннеля. Или просто обладал способностью хорошо видеть в темноте? Спрашивать его об этом смысла не имело,

ведь мы, как это ни печально, говорили на разных языках.

В поселении белых всадников...

Их было тринадцать...

Тринадцать тюремщиков, именуемых в Тайлаари азорами, охраняли подступы к городу. Всего тринадцать наемников с разным магическим опытом и потенциалом. Целых тринадцать! Это слишком много для истребления полуживых человеческих женщин, чудом уцелевших в «веселых» игрищах маануков*. Особенно если учесть, что после знакомства с ящерами погибали несчастные жертвы почти всегда. За пятьсот лет сумели уцелеть около сотни девиц, и то только до встречи с белыми всадниками. Время шло, а глупые невесты из разных миров продолжали попадать в ловушку кота-призрака. Они прибывали в это дикое место и погибали, застилая своими разодранными в клочья телами некогда чистую равнину.

Ну да, в первые годы все это служило определенным развлечением блондинистых головорезов, давая им повод для пари и ставок. Но подобная игра давно устарела, перестав приносить удовольствие. А что осталось? Сто сорок какая-то попытка проредить популяцию активно плодящихся маануков? Тоже не ново! Да и тупые морды этих чешуйчатых тварей так наивно выражали покорность судьбе, которую для них определяли белолицые повелители, что истреблять их становилось скучно. Животные чуяли магию жизни, которой обладали азоры, и подсознательно тянулись к ней, подчинялись и стремились угодить своим потенциальным хозяевам.

В период подписания контракта с *сильнейшими** перспектива хорошо оплачиваемой и непыльной работы большинству наемников казалась очень хорошей. Сейчас же все сводилось к коротанию похожих друг на друга дней, месяцев, лет... веков, а также к выполнению довольно простых обязательств да тихому озверению, с которым каждый из азоров справлялся по-своему. Однообразие длилось и длилось... до сегодняшнего дня. Вот только изменения, порожденные эйсардом* Кир-Кули, не обрадовали его подчиненных. Напротив, они разозлили и напугали их. Но кто отважится поспорить с предводителем? Тем более с таким, как этот! И пусть в мечтах многие видели его голову нанизанной на шест, в реальности бросить вызов Киру из рода Кули вряд ли кто-то осмелился бы. Достаточно было посмотреть в эти голубые глаза, полные жизни и цвета Силы*, чтобы вспомнить об инстинкте самосохранения, субординации и договоре с *сильнейшими*. Пункт о том, что именно Кир-Кули возглавляет миссию, был там четко прописан, как, впрочем, и статусы остальных наемников.

Сильнейшие прекрасно знали, КОГО они привлекают для «грязной» работы, и во избежание трений среди исполнителей не поленились обсудить все мелочи прежде, чем заключить сделку и щедро вознаградить авансом тех, кто на нее согласился. Год за годом новая оплата поступала в распоряжение азоров и ложилась мертвым грузом в пыльные тайники каждого. Здесь, в мире, застрявшем на зачаточной стадии развития, подобное богатство не имело никакого веса, разве что в охраняемом городе имелась возможность потратиться, да и то не сильно. А за короткие отпуска, позволявшие покинуть скучную планету и вернуться в лоно цивилизации, спустить весь заработок было сложно. Да и нужно ли? Оставалось копить средства на будущее, чем, собственно, и занимались десять

белокожих мужчин и три женщины. Ведь жизненный срок для них, если не лишаться головы, составлял не одно тысячелетие, и не два, а гораздо больше. И так как их жизни в здешних условиях ничто не угрожало, подобные накопления были весьма актуальны. Еще каких-то лет пятьсот — и их сменит другая группа азоров. Вот только как не свихнуться за эти несчастные пять веков?

Но сегодня эйсард одним легким движением руки поставил далеко идущие планы коллег под угрозу. И никто не знал, почему он так глупо поступил, отпустив изрядно помятую невесту на последней охоте. Спросить его об этом те двое, что сопровождали предводителя до главного шарту*, так и не решились. Но вот донести о происшествии эйресарду* по имени Лу-Ла — не поленились.

Лишь только фигура мужчины из рода Кули, самого одаренного и сильного из потрепанных жизнью, но все еще существующих родов древней расы, исчезла за дверью летающего дома, два оставшихся наемника многозначительно переглянулись, злорадно улыбнулись друг другу и ринулись с докладом к его заместительнице. Она обладала магическим потенциалом пятого уровня, о чем красноречиво свидетельствовали ее красно-фиолетовые глаза. Всего лишь фиолетовые, не голубые. Даже Лу из рода Ла не отваживалась на серьезную ссору с Кир-Кули. Раньше никогда.

Пять минут спустя в главном шарту...

Летающий дом встретил хозяина привычным радушием: повсюду царил свежий и чуть горьковатый аромат. Так пахли белые цветы, извилистые стебли которых кое-где украшали стены. По мере продвижения Кир-Кули через арочные проходы широкого коридора наверху вспыхивали светящиеся ленты «плавающих» ламп. Они скользили по изгибам потолка, сопровождая эйсарда до дверей просторной столовой, где на изысканно сервированном столе уже начали потихоньку «вырастать» полукруглые холмы-контейнеры. Распахнувшись, словно цветочные бутоны, они открывали взору красиво украшенные блюда.

Шарту обладал отличными кулинарными способностями и прекрасным охотничьим потенциалом. Дом-корабль, дом-крепость, дом-кухарка, прачка и прочие необходимые для комфортной жизни профессии. Только у некоторых рас была власть над такими вот живыми сооружениями, способными в одночасье превратиться в невесомое облако, стекающее тонкой струйкой тумана в перстень хозяина.

Создать себе обитель, способную защитить и обогреть, перевезти и накормить, а также исчезнуть без следа, скрывшись в мутной глубине небольшого камня, могли очень немногие маги. Не только знание, но еще и Сила, точнее, ее природа были тому причиной. У Кир-Кули и его соплеменников имелось все необходимое для этого. Где и в каком обличье шился главный шарту в отсутствие своего творца, можно было только гадать. Но выставленные на круглом столе яства выглядели очень аппетитно.

«Хорошая охота — повод размяться даже для здания», — с мимолетной улыбкой на белых, как мел, губах подумал эйсард.

Его верный дом всегда исправно реагировал на телепатический приказ владельца и возвращался в лагерь по первому зову. В остальные часы он, как любой живой организм, занимался домашним хозяйством и другими необходимыми для его поддержания делами.

Приход заместительницы застал Кир-Кули за трапезой. Большое зеркало на стене моментально изменило направленность отражения, отобразив не светлый интерьер комнаты, а нетерпеливое лицо гостьи, стоящей на улице. Без приказа хозяина ни один шарту не опускал крыльцо для визитеров, таковы были правила. Дом безмятежно парил в нескольких метрах над землей, а его владелец с усмешкой сытого хищника разглядывал до боли знакомую внешность той, кого звали Лу-Ла.

Она была по-своему красива. Белая кожа, свойственная их расе, самое темное пятно на лице — графитного оттенка брови, самое яркое — глаза. Большие, красно-фиолетовые, обычно прищуренные и подозрительные, а порой гневные и искрящиеся. Она никогда не умела в достаточной степени контролировать эмоции. Но это не мешало ей быть довольно способной наемницей, уровень мастерства которой высоко ценился в нужных кругах. Эйресард стала частью их команды не сразу, она пришла на замену одного из азоров, отказавшегося от контракта по прошествии пары веков.

Это был единственный случай добровольного ухода наемника. Слишком уж большую неустойку за подобную выходку прописали *сильнейшие* в договоре. А кому охота, покидая место работы, возвращать нанимателю вдвое больше, чем получил за этот срок? Впрочем, и такой индивид нашелся. Не разделял взгляды эйсарда, потому и предпочел потерять много денег, но остаться с головой на плечах. Ну, а наемники, охраняющие зачарованный город и курирующие единственный возможный путь к нему от стихийного портала*, получили в свои ряды третью женщину с довольно высоким уровнем Силы. И вот эта самая женщина сейчас явилась на порог к предводителю, едва сдерживая свое раздражение.

Продолжая задумчиво изучать отражение заместительницы, кусающей от нетерпения губы, хозяин главного шарту не спешил впускать ее в свой дом, чем нервировал гостью еще сильнее. Ее короткие волосы белоснежными сосульками торчали по бокам сурового лица, из-под их колючего вороха виднелись кончики заостренных ушей, украшенные драгоценными камнями. Красными и фиолетовыми. Под цвет глаз. От середины лба и до самого затылка проходила выбритая полоса шириной в три пальца, она как нельзя лучше подчеркивала идеальную форму черепа.

Лу-Ла нравилась многим мужчинам в их поселении, но для Кир-Кули она всегда оставалась лишь подчиненной. Ей не хватало выдержки и дальновидности, а также заметно хромала такая черта, как хладнокровие. Случись им вступить в реальный бой, эти качества могли стоить эйсарду жизни, как и всем тем, кто входил в их группу. Но... какой бой в этом болоте? Перепуганные безоружные девчонки на пустоши мало походили на достойных противников. А потому недостатки заместителя росли и крепили в подходящих для этого условиях. И ему, эйсарду данного места, они играли на руку. Лу из рода Ла было несложно просчитать, а значит, и легко управлять ею.

Наконец, отдав дому мысленный приказ пропустить посетительницу внутрь, Кир-Кули продолжил дегустацию стоящих перед ним блюд. Шарту постарался на славу, как, впрочем, и всегда. Лу-Ла яростным порывом ветра влетела в единственную открытую для нее дверь и замерла, едва переступив порог. Рослая, с неженственно широкими плечами и узким тазом, но при этом гибкая и пластичная, словно горная змея.

— До меня дошли слухи... — начала она, не утруждая себя приветствиями и другими проявлениями вежливости.

— Скорее, добежали, — усмехнулся мужчина, воскресив в памяти физиономии своих спутников, дальнейшие планы которых читались на их белых лбах.

— Опустим эти подробности. — Клыкастая улыбка озарила лицо визитерши — жест примирения, демонстрируемый перед началом раздора. Определенный тактический ход в переговорах с тем, кто сильнее, умнее и опытнее. Что-то вроде невысказанного обещания не доводить дело до ссоры при любом раскладе.

«Эх, Лу-Ла, Лу-Ла... — хмыкнул про себя Кир-Кули. — Пытаясь изображать спокойствие, стоило хоть немного приглушить яростные искры в глазах. Да уж, скрывать эмоции — большое искусство, доступное далеко не всем».

А вслух сказал: — Как скажешь, эйресард, — и продолжил обедать.

Ему и в голову не пришло предложить ей разделить с ним трапезу. Зачем? Правила приличия — пережиток других миров. Здесь, в этой всеми забытой глуши, можно было не заикливаться на подобных вещах. Так что этикет и все, что к нему прилагалось, шли лесом и куда подальше. И это, по мнению азоров, относилось к приятным сторонам вынужденной изоляции.

— Я бы хотела услышать и твою версию недавнего инцидента! — Нотки недовольства в голосе собеседницы, слышные сквозь тщательно изображаемое дружелюбие, все больше веселили хозяина главного шарту.

— Думаю, она не будет сильно отличаться от той, что ты уже знаешь. — Он лениво потянулся, взяв в руки ромбовидный фужер с кисловатым напитком — фирменным коктейлем его исполнительного дома. — Вряд ли кто-то осмелится оклеветать меня. — Уголок мужского рта выразительно приподнялся, запечатлев на лице кривую ухмылку.

— Ты отпустил девчонку, и она ушла в горы! — констатировала Лу-Ла, не сводя с его лица напряженного взора.

Магическая энергия так и бурлила в ней, стремясь выплеснуться наружу, красно-фиолетовые радужки светились, а по сжатой в кулак руке скользили того же цвета «нити». Эфемерные и слабо мерцающие, но при этом отчетливо различимые на белой коже.

— Да, — сделав глоток, сказал собеседник, — отпустил.

«Раздражение, настороженность, готовность к бою... глупая женщина! Несдержанная, — думал Кир-Кули, искоса наблюдая за гостьей. — Столько лет живет, а до сих пор не научилась контролировать свой темперамент. А ведь он ей говорил...»

— Ты нарушил условия контракта! — Теперь во взгляде эйресарда читался гнев с маленькой примесью страха.

— Разве? — Серые брови мужчины поднялись, демонстрируя удивление, которого на деле не было и в помине. — Такие подробности в договоре с *сильнейшими* не прописаны.

— Если она достигнет города... — зашипела Лу-Ла, инстинктивно хватаясь за рукоять висящего в ножнах кинжала, длинного и чуть изогнутого. Подобное оружие было традиционным для наемников их расы.

— Ну, не она первая.

Нарочито любуясь переливами темно-красного напитка, Кир-Кули боковым зрением внимательно следил за собеседницей, в тысячный раз отмечая про себя ее неуравновешенность.

— Та невеста стоила всем нам много нервов, — огрызнулась она, опустив тот факт, что именно в ее смену произошла неприятность. — И это была случайность, а сегодня...

— Послушай меня, Лу из рода Ла, успокойся! — Он поставил недопитый фужер и гибкой тенью выскользнул из-за стола. — Я просто хочу немного подкорректировать существующую ситуацию, не более того.

— То есть? — спросила она настороженно.

— Анархия, моя дорогая заместительница. — Теперь пришла его очередь одаривать гостью клыкастой улыбкой, но на мирный жест она явно не тянула. — В прошлый раз мы были заняты попытками прикончить чудом выжившую девицу, теперь же я намерен извлечь пользу от присутствия другой иномирянки на территории зачарованного города.

— Какая польза, Кир-Кули?! Невеста же может нарушить чары, — заявила собеседница, нахмурившись, а ладонь ее, потонув в красно-фиолетовых разводах Силы, опять судорожно сжала рукоять кинжала.

Когда голубоглазый азор медленно двинулся к ней, женщина вся подобралась, точно дикая кошка перед атакой.

«Ну, хоть бы определилась с оружием, — мысленно вздохнул эйсард, оценив ее взвинченное состояние, — либо холодное, либо магическое. А то в потоке энергии за нож хвататься... Тьфу, идиотка!»

— Ну что ты, Лу-Ла, — сказал мужчина, — эта маленькая человеческая девочка ничего не успеет нарушить, — заверил он обманчиво-успокаивающим тоном, ничем не демонстрируя свое мнение о визитерше. — Мы об этом позаботимся. Только на сей раз устранение неудобной невесты я собираюсь поручить кое-кому другому.

— Кому же? — Надо отдать ей должное, ни от его приближения, ни от холодного, будто прозрачный лед, взгляда, эйресард не отступила.

«Ну-ну. Смелая девочка... — мелькнуло в голове предводителя, — и глупая».

— Почтенным горожанам, например, — ответил он на ее вопрос.

— Издеваешься? — На мгновение напряжение покинуло Лу-Ла, и она громко расхохоталась. — Да они голову сложат за эту чужачку, лишь бы избавиться от многовекового проклятия!

— Все зависит от правильно поданной информации. — Кир-Кули остановился в паре шагов от нее и скрестил руки на груди, продолжая изучать визави. — Вместе с проклятием люди потеряют и свои жизни. Надо лишь подсказать горожанам такую версию событий, и несчастной невесте конец. А вместе с ней конец и всему остальному населению, ведь кое-кому не понравится предательство подданных. И, вырезав город, этот кто-то останется один, совсем один. Одного стеречь легче. Особенно если он впадет в спячку. А если нет... мысль о том, что ему будет так же скучно, как и мне, очень согревает душу. — Улыбка коварного лиса заскользила по белым губам, а на лице гостьи отразились минимум понимания и максимум несогласия. — Хотя девушку немного жаль, — вздохнул блондин. О ком именно он это сказал, об обреченной невесте или о своем тугодуме-заместителе, история умалчивала.

— Это лишит нас развлечения, — продолжая хмуриться, проговорила Лу-Ла.

— Надоевшего уже развлечения. Я предлагаю достойную альтернативу.

— Мы торчим тут почти тысячу лет, осталось еще пятьсот — и все, контракт закончится. Ты уверен, что стоит менять устоявшиеся правила, когда две трети срока службы прошли?

— Почему бы и нет? — пожал плечами хозяин дома.

— Полагаю, — она немного помолчала, раздумывая, — ты знаешь, что делаешь.

— Естественно.

— Я не стану тебе перечить, — покорно склонила голову эйресард. — Мы все, как и прежде, будем исполнять твои приказы, Кир из рода Кули, — сказала она, и это была ложь. Такая наглая и фальшивая, что мужчина невольно поморщился, словно уловил неверную ноту

в призванной ласкать слух мелодии. Волна раздражения прокатилась по его нервам и затихла, как растревоженная струна, уступив место привычному спокойствию.

Ей не удалось даже охнуть, как коротко стриженная голова с выбритой полосой слетела с плеч и покатилась по полу. Рука в затухающем ореоле красно-фиолетовых искр еще судорожно впивалась в не вытасченное вовремя оружие, а бездыханное тело уже медленно оседало вниз, разбрызгивая алый фонтан крови по серебристому интерьеру столовой.

Пятый уровень силы был далек от седьмого, а мастерство Кир-Кули — на порядок выше, чем у всех его подчиненных. О ловкости же предводителя и о его особом умении заговорить жертве зубы ходили легенды. Самоуверенная баба, неужели она рассчитывала его обмануть своей наигранной покладистостью? После стольких лет службы... Вот же... дура!

— Ты на редкость плохая актриса, Лу-Ла, — вытирая об ее одежду свой длинный клинок, сообщил палач. Он всегда выхватывал кинжал из ножен с молниеносной скоростью

и никогда не пускался в пафосные предупреждения о своих намерениях перед тем, кого собирался прикончить. Честь, мораль, благородство — бред! А вот немного порассуждать над холодным трупом противника Кир-Кули вполне мог себе позволить. Звукоизоляция у главного шарту была безупречная, так что его хозяин ничем не рисковал. — Что бы ни значили твои слова, эмоции в глазах выдали тебя с потрохами, эйсард, — одной рукой он поднял ее голову и заглянул в чуть удивленные красно-фиолетовые глаза, в которых больше не теплилась жизнь. Лишь мертвая пустота. — Я знаю, что ты собиралась пообщаться с *сильнейшими* по экстренному каналу связи*, чтобы доложить о сегодняшнем происшествии. У тебя это на лице было написано, милая. Отличный повод сместить меня и захватить власть, не так ли? — Его усмешка сочилась ядом, таким же опасным, как и тот, которым был покрыт длинный клинок. — Но, увы, мне нужно полное повиновение, а не его неумелая демонстрация. К тому же... — Он бросил взгляд на женское тело, медленно поглощаемое полом, — шарту приступил к уборке мусора. Чистоплотный дом! — Пора преподать урок остальным, а заодно и дать им подходящие объяснения. Намечается большая игра.

Не выпуская из пальцев прядь окровавленных волос мертвой заместительницы, ее убийца ленивой походкой двинулся к выходу, где его ожидали молчаливые наемники. Они прекрасно видели, как, стремительно меняя привычную форму на красно-фиолетовый шар, вспыхнул ярким пламенем и рассыпался миллиардом искр дом Лу из рода Ла. От некогда роскошного здания осталась лишь гора медленно оседающего серого пепла. Это могло означать только одно: связь хозяйки и ее шарту была разорвана. И подтверждение данного факта не заставило себя долго ждать, представ их испуганным, но отнюдь не возмущенным взглядам, когда Кир-Кули, появившись на пороге, продемонстрировал всем результат содеянного.

За долгие века в их маленьком поселении случились всего две замены азоров: один добровольный уход и одна смерть в поединке. Но заместитель эйсарда, несмотря на свой вспыльчивый нрав, умудрялась не влезать в серьезные неприятности, ограничиваясь мелкими трениями с предводителем. А теперь... ее не стало. Вот только разочарования на лицах подчиненных почему-то не было. Лишь напряжение, некоторая растерянность и страх перед будущим, наряду с которым отчетливо проступало одобрение. Побеждает сильнейший. Так было, так есть и так будет всегда!

— Предательство — неблагоприятное дело, — сообщил Кир-Кули, задумчиво улыбаясь. Он окинул голову своей жертвы взглядом влюбленного маньяка, после чего добавил: — Бедняжка не рассчитала сил, решив потягаться со мной. Как опрометчиво. Ну, а сейчас, — эйсард повернул лицо к застывшим в молчании присутствующим, — послушайте меня! С этого момента жизнь станет интересней, обещаю. — Последняя фраза прозвучала гораздо тише, но от этого не менее убедительно. А потом он начал рассказывать. Спокойно и понятно, словно вел дружескую беседу. Но каждое слово, произносимое им, отдавалось гулким эхом в сознании азоров и оседало клеймом на их памяти. Прав тот, кто сильнее, таков закон жизни. И все они сейчас были готовы подчиниться сильнейшему.

Никто, кроме Кир-Кули и покойницы, не имел доступа к экстренному каналу связи с работодателями. Это означало, что никто больше не мог навредить планам эйсарда, которые, что неудивительно, несколько отличались от версии, выданной товарищам по оружию. Время пока работало в пользу уставшего от непроглядной скуки предводителя. До открытия Ворот* на территории мира, запертого магией *сильнейших*, оставалось еще около месяца. Чудесно! При таком раскладе ни один из белолицых доносчиков не сможет покинуть это

место до назначенной даты, и уж точно никто из них не посмеет встать на пути Кира из рода Кули. Ведь жизнь без головы для представителей их расы невозможна.

В горах...

Небольшая, но глубокая пещера с кристаллическими наростами, живописно свисающими с потолка, оказалась вполне пригодной для привала. Мой неразговорчивый спутник установил светильник возле каменного углубления, куда со стены стекал ручеек, и принялся обустроить место для отдыха. В тусклом освещении окружающее пространство казалось особенно таинственным и, как ни странно, романтичным. Большой ворох из тонких веток и высушенной соломы, сваленный в самом дальнем углу, сильно походил на лежанку, а несколько сложенных друг на друга плит с неровными краями вполне могли заменить стол.

После вереницы темных тоннелей, где царил пробирающий до костей сквозняк, эту пещеру можно было назвать и теплой, и удобной, и, без сомнения, красивой. Я бы даже добавила «безопасной», потому что, очутившись здесь, смогла избавиться от ощущения чьего-то незримого присутствия. Кромешная тьма, окружавшая нас все время пути, не выдавала чужака, если он вообще был, и мне ничего не оставалось, кроме как следовать за проводником, усилием воли подавляя тревогу. Неприятный запах, исходящий от меня, сопровождал нас, словно верный страж. Я старалась не смущаться, уповая на безвыходность ситуации, парень же не обращал на это внимания. Он нравился мне все больше, но рассчитывать на взаимность из-за моего неприглядного вида не приходилось.

Восьмигранный кристалл размером с мой кулак был закован в ажурный металлический каркас и оттого напоминал причудливый фонарь. Он светился целиком, отбрасывая белозолотые лучи в разные стороны. Рядом с этой диковинной «лампой» было тепло, как возле костра, но ее яркости хватало лишь на небольшой пятачок, дальние же участки нашего убежища оставались погруженными во мрак. Я сидела между светильником и неглубоким бассейном метра два шириной. Прозрачная вода рассыпалась бликами и журчала, дожидаясь меня. Когда мы пришли сюда, мой спаситель жестом указал на эту созданную природой купальню, всем видом намекая на принятие ледяной ванны. Я колебалась, сидя на корточках рядом с водоемом, лезть в который мне совершенно не хотелось. Немного подумав, я принялась зачерпывать ладонями воду и осторожно споласкивать открытые участки лица и тела, не касаясь тех мест, что прятались под остатками одежды. Бр-р-р, холодно!

Парень тем временем снял свой плащ и распотрошил сумку на предмет съестного. Он также извлек оттуда два пузырька с чудодейственным эликсиром, полотенце и еще парочку каких-то склянок. Ну просто бабушкина аптечка! Все маленькое, прозрачное, с душистым содержимым, травяной аромат которого поплыл по пещере. Закончив со своими делами, мой новый знакомый (если его можно так назвать, учитывая, что мы по-прежнему не представились друг другу) поднялся с соломы и подошел ко мне. Какое-то время он хмуро наблюдал за моими действиями, после чего одним решительным рывком поднял меня на ноги и, отмахнувшись от протестов, сорвал остатки многострадального платья вместе с ни в чем не повинным бюстгалтером. В общую кучу полетели и кружевные танга, разодранные чулки и слабое подобие туфель.

От такого варварского обращения я потеряла дар речи, но он быстро вернулся, когда этот

жестокий человек опустил меня в холодную воду целиком и принялся совсем не нежными движениями смывать остатки желто-зеленой гадости с моей кожи. Я верещала и царапалась, как перепуганная кошка, а он продолжал меня оттирать, что-то недовольно бормоча. Перехватив одной рукой мои запястья, этот изверг избавил от засохшей грязи шею, а потом осторожно ополоснул и обнаженную грудь. Сжавшиеся от холода соски болезненно отреагировали на прикосновение его ладони, что взбесило меня окончательно. С яростным всплеском я вывернулась из мужской хватки и вцепилась зубами в предплечье нахала. На его лице не отразилось никаких эмоций, хотя след от укуса остался, и немаленький. Усмирив меня, парень продолжил мытье, уделяя особое внимание моим ногам. Красные пятна от ожогов, вызванных рвотными массами ящера, кое-где пошли пузырями. Так что зрелище оставляло желать лучшего.

Когда пальцы мучителя заскользили по моим бедрам, я в панике подумала: «Отмоет и изнасилует». Но, взглянув в его потемневшие глаза, решила, что сам он мараться не будет, скорее в рабство меня продаст или на себя пахать заставит, для того небось и притащил в это каменное логово. Дальнейшие размышления были оборваны бесцеремонным погружением моей головы под воду — настала очередь волос, чудом уцелевших благодаря профессиональному лаку убойной фиксации. Хвала парикмахерам! Стоило парню ослабить хватку, чтобы дать мне возможность всплыть, как я снова начала яростно отбиваться от его «заботы». Мне даже стыдно не было, злость оттеснила все прочие чувства. Как смеет этот тип так себя вести?! Это же... это... издевательство над разумным существом, то есть надо мной! Мог бы и объяснить, прежде чем применять такие радикальные меры. Хотя... он, кажется, объяснял.

Наконец мои мучения подошли к своему логическому завершению. Парень вытащил вяло брыкающуюся меня из сильно помутневшей купальни, осторожно отнес в угол, где лежала солома, и поставил на каменный пол рядом с лежанкой. Затем тщательно вытер полотенцем, завернул в свой плащ и уложил на импровизированное ложе. Я все еще дрожала, зубы стучали, сухая трава кололась сквозь ткань, а в душе недовольно ворочалось возмущение. Что ж, я по-прежнему выглядела как жертва кораблекрушения и кислотной атаки одновременно, зато уже не так паршиво пахла, а это для девушки немало. Теплая ткань согревала, как и светящийся кристалл, переставленный ближе. А предложенный кусок хлеба с сыром добавил приятных ощущений к моему послекупальному «оттаиванию».

В лучистых глазах спасителя отражалась забота. Он принялся кормить меня бутербродами, давая запивать еду прохладной водой из плоской фляги. Пузырьки с хмельным напитком и склянки с мазями стояли на каменном «столе», ожидая своей участи. И я почему-то не сомневалась, что все это вскоре будет использовано по назначению. Так и случилось. Когда моя рука мягко отодвинула очередной бутерброд, молодой человек убрал продукты в сумку и придвинул ближе лекарства. Открыл флакон, плеснул его содержимое на раскрытую ладонь и, повернувшись ко мне, начал аккуратно смазывать ранки на моем лице. Как я умудрилась не переломать кости в том жутком приключении с ящерами, не знаю. Видимо, просто повезло.

Сначала мне хотелось отстраниться от новоявленного лекаря, но я быстро передумала, вспомнив о благотворном воздействии жидкости, выпитой некоторое время назад. Был, конечно, соблазн заняться обработкой травм самой, но его пальцы... такие прохладные и чуткие, нежно поглаживали кожу, нанося эликсир, и я отогнала прочь мысли о любой инициативе. Мои веки опустились, тело расслабилось, а мысли, словно мухи в киселе, все

медленнее ворочались в голове. Мр-р-р... как же хорошо. Вслед за лицом парень смазал волосную часть моей головы, затем перешел к обработке ушей и шеи. Когда же его руки опустились ниже, я недовольно дернулась и резко открыла глаза. Ну вот, опять меня раздевают, не спросив! Что за наглость? Пусть я далеко не красавица по меркам современного мира: худая, маленькая, лопоухая, да еще и вся в синяках, но ведь и не бессознательный пациент, чтобы моим мнением не интересоваться. Я ударила парня по запястью, когда он попытался стянуть с меня плащ. Хмурый карий взгляд с золотыми искорками недовольства был мне ответом.

— Аше-ар-р-р! — прорычал визави, а мне подумалось, что слышу это не впервой.

— Сама сделаю! — огрызнулась я, потянувшись к пузырьку.

Но лекарь не дал мне двинуться с места, припечатав слишком уж хрупкое для его сильных рук тело к соломенной лежанке. Еще пара коротких словечек то ли наставительного, то ли угрожающего смысла слетела с его губ прежде, чем он продолжил меня раздевать. Я ругалась на русском, проклиная собственную слабость и чужую наглость. Однако это совершенно не мешало новому знакомому размазывать по моему обнаженному телу холодную жидкость. Не глядя мне в глаза, он обрабатывал ожоги, и на лице его не отражалось даже намек на чувства, которые мужчина мог бы испытывать к женщине в таких щекотливых обстоятельствах.

Я в очередной раз подумала, что не нравлюсь ему, и это почему-то вызвало досаду. Ну да, тело девочки-подростка с узкой талией и вторым (с натягом) размером груди на эталон красоты не тянуло. Ладно хоть бедра были, как и положено, девяносто в объеме. Черты лица тонкие, глаза обычные, серые, волосы... тоже не без примеси пепельного оттенка. Да уж, мышь мышью, на что тут зариться? Очередной печальный вздох притупил смущение. Ресницы вновь опустились. Сквернословить надоело, и я замолкла. Не изнасилует? Да и черт с ним! Зато хоть подлечит.

Конечно, подобные рассуждения были для меня чересчур, но я тут же списала все на стресс. Мой сексуальный опыт содержал в себе несколько поцелуев и не очень-то тесных объятий с однокурсником, а также бурную ночь с одним из наших ветеринаров, которая началась с ужина при свечах и закончилась разбитой о мужскую голову вазой, так как переводить отношения в горизонтальную плоскость с пьяным кавалером я отказалась. Недоразумение, к счастью, разрешилось миром и дружескими отношениями с пострадавшим, а моя девственность осталась при мне. И лишаться ее насильственным путем, пусть даже и с таким привлекательным парнем, как мой спаситель, не хотелось.

Я не ханжа, нет! Просто мне по жизни не везло с поклонниками. Те, которых больше прельщали родительские деньги, нежели я, вызывали лишь раздражение, а других, кроме все того же ветврача, просто не встречалось. Либо я без отцовского кошелька была не слишком привлекательна, либо все приличные мужчины паслись на каких-то других угодьях. Одним словом, почти до девятнадцати лет я дотянула без каких-либо сексуальных приключений, чему и радовалась тайком от многочисленных знакомых, считавших, что быть девственницей в этом возрасте неприлично.

Мужские пальцы легли на красное пятно, занимавшее едва ли не половину моей грудной клетки. Скользя ниже, они осторожно втерли целебную жидкость в пострадавшую кожу, мягко обогнули темную горошину соска, оставляя за собой влажный след эликсира. Я даже дышать перестала, что уж там говорить о возмущении. Ни один мужчина еще не дотрагивался до меня так! Прикосновения лекаря волновали, заставляя волны приятной

дрожи расходиться по телу. Но парень, похоже, не замечал моей реакции. И мне ничего не оставалось, кроме как краснеть от смущения, тихо беситься от собственной податливости и молча лежать, тренируя терпение и прочие мало знакомые черты характера.

Подавлять возбуждение было ой как трудно, но и открыто демонстрировать этому человеку свои слабости я не собиралась. Сладкая пытка длилась и длилась: слои ароматной жидкости сменялись чуть резковатыми на запах мазями, а умелые и на удивление нежные мужские руки неустанно скользили по моей коже, втирая лечебные снадобья. Я и не заметила, как в разгар борьбы между злостью и невестребованной сексуальностью провалилась в глубокий сон.

Тем же днем...

Кейли-Оз — белокожая азора с тонкими сильными руками, на которых как перчатки сидели металлические каркасы миниатюрных, но на удивление мощных арбалетов, быстро шла к своему шарту. За спиной ее висел колчан со стрелами, чьи острые трехгранные наконечники были смазаны ядом, а на бедре покачивались ножны. Уровень Силы этой женщины соответствовал третьему, но сегодня глаза ее горели оранжевым огнем гордости и высокомерия. Именно ей эйсард поручил выполнение важной миссии и, что осталось для остальных тайной, посулил за услугу кое-какое личное вознаграждение. Кейли из рода Оз так любила деньги, что не брезговала никакими методами их заработка.

Иногда Кир-Кули приглашал ее в свою постель и щедро за это расплачивался. Жаль только, редко. Такой приятный способ «левого» заработка ей нравился особенно. Остальные мужчины давали меньше. Да и что с них взять? Они ведь имели совсем не те доходы, что предводитель. К тому же были более прижимистыми — каждый копил на будущее, не желая расставаться со своими кровными по пустякам. Кейли-Оз себя пустяком не считала, поэтому спала с этими скрягами исключительно под настроение.

Жизнь представителям их расы давалась лишь раз. Ни один из белолицых магов не был способен к реинкарнации. Бездна поглощала их души, забирая навсегда. С другими обитателями Тайлаари* дела обстояли иначе, они умирали и перерождались. Теряли память прошлых жизней или сохраняли ее, но продолжали существовать в мире живых бесконечно, в то время как соплеменники белокожей азоры довольствовались всего одной попыткой. Поэтому после истечения контракта наемники собирались тратить свои накопления исключительно на себя, а не спускать их на дорогостоящих шлюх из собственной команды. Тем более в Неронге хватало девиц, обмануть и заполучить которых было раз плюнуть.

Эйсард же, по мнению Кейли-Оз, выгодно отличался от остальных. Его поведение многим казалось странным и слишком расточительным, чем азора всюю пользовалась. Может, власть ему кружила голову, может, «крыша» от скуки ехала — лучница не вникала. Она была горда и довольна тем, что имела. Ведь из трех, точнее, уже двух женщин в поселении только ей удалось стать его любовницей. Хорошо оплачиваемой к тому же! Ее соперница — красноглазая Мира-Нин не имела доступа к телу Кир-Кули и, соответственно, была обделена его щедрыми подарками. Высокая и остроликая наемница четвертого уровня Силы откровенно ненавидела и презирала конкурентку, но это не мешало им сосуществовать рядом век за веком, выполняя обязанности тюремщиков. Да и подзаработать менее

разборчивая Мира-Нин вполне могла на других мужчинах в лагере — пусть куш невелик, зато удовольствий предостаточно. А что может быть слаще денег и удовольствий? Только удовольствия, приносящие деньги!

Лучница переступила порог родного шарту, спустившего к ее ногам прозрачную лестницу. Зеленый коридор петлял между комнатами, провожая хозяйку в спальню. Сегодня ей больше не понадобится метательное оружие, лишь нож, спрятанный на бедре, да несколько энергетических «бомб», порожденных ее личными чарами, — так, на всякий случай. При хорошем самочувствии любой из наемников мог без труда создавать подобные шары. Только цвет и мощность разнилась в зависимости от уровня Силы творца.

Подойдя к зеркалу, Кейли-Оз одобрительно кивнула своему отражению. Она обладала спортивным телосложением, симпатичным лицом и длинными белыми волосами, заплетенными в косы, корзиночкой уложенные вокруг головы. Две полосы, выбритые по бокам высокого лба, придавали ее облику хищность. Большие, чуть раскосые глаза цвета рыжего пламени светились самодовольством. А полные белые губы и белесые от природы плавно выгнутые брови, которые она подкрашивала тайком от окружающих, добавляли лицу азоры особую мягкость и чувственность. По мнению Кейли-Оз, она была не просто хороша собой, а очень хороша, если не сказать — прекрасна. Но сегодня ночью ей требовалась иная внешность. Простая, пестрая... человеческая. Смена облика являлась обычным для ее расы процессом, но до чего же приятным! Иллюзии окутывали тело, переплавляли черты, перекрашивали кожу и волосы, создавая искомый образ. М-м-м... Отличное поле для фантазии, а сколько вариаций нарядов можно придумать!

Лучница не сомневалась, что глупые горожане не заметят подмены. Как, впрочем, и всегда. А тот, кто мог бы раскусить ее маскарад, редко появляется в верхнем городе. Однако осторожность прежде всего! Под покровом ночи совершить задуманное будет проще, и усыпить бдительность людей не составит большого труда. До захода Мелирис* еще целых четыре часа, значит, у получившей задание наемницы достаточно времени на приготовления. Так почему бы не поэкспериментировать, подбирая прическу и макияж?

Илин-Ули, недавно вернувшийся с гор, сообщил, что уцелевшая на пустоши девчонка заснула в одной из пещер, куда ее проводил Эван — дефектный продукт знаменитого пророчества. Мальчишка, рождения которого так ждали горожане и так боялись их белокожие тюремщики. Напрасно! Он не оправдал ничьих надежд. Одно из условий было нарушено, и кое-кто обломался. К счастью, не азоры. Подумав об Эване, Кейли-Оз хищно улыбнулась. Симпатичный получился полукровка, жаль только, слишком подозрительный. В противном случае она с удовольствием испробовала бы его в своей постели, прикинувшись одной из смазливых горожанок. Может быть, даже бесплатно.

Отпрыск *сильнейшего*... как это возбуждает!

Клыкастая усмешка на изменившемся лице женщины стала шире, а в оранжевых глазах заплясал огонек вожделения. Сейчас герой ее сексуальных фантазий обрабатывал раны чужачки из далекого мира. И Кейли-Оз было жутко интересно, чем они еще там займутся, когда пострадавшая наконец очухается? Размышления ее свернули в новое русло, и она, почувствовав укол необоснованной ревности, поморщилась. Зачем эйсард позволил невесте уйти живой? Решил разнообразить охоту, усложнив подступы к добыче? Наверняка. Лучница могла сколько угодно пытаться просчитать действия своего любовника, но это мало приближало ее к разгадке. То, что творилось в голове предводителя, было известно лишь ему одному. Остальные довольствовались версией, которую он им милостиво сообщал.

Илин-Ули — самый древний из наемников, профессиональный следопыт с непревзойденным чутьем и отточенной до идеала способностью бесшумного передвижения, не обладал седьмым уровнем силы, как у Кир-Кули, зато считался лучшим мастером кинжалов среди их группы. Почти лучшим, потому что эйсард и в этом деле превосходил всех своих подчиненных. Зато Илин из рода Ули, прозванный охотником, был незаменим во всем, что касалось слежки. Поэтому его и отправили наблюдать за иномирянкой и встретившим ее Эваном. По возвращении азор рассказал, что парень надел на руку спящей девушке «Шелест»*. Это означало, что сон ее продлится как минимум десять часов, после чего их ждет дорога до города и прочие радости жизни.

Одним словом, на выполнение задания у Кейли-Оз времени было больше чем достаточно, как, впрочем, и на сборы. Повертевшись перед зеркалом, женщина невольно вздохнула. Все-таки жаль, что Кир-Кули запретил им пока убивать чужачку. Охотник мог незаметно прикончить ее еще в горах, но разве он ослушается приказа? Опыт меркнет перед силой — мастер кинжалов не рискнет пойти против универсала, владеющего любым видом оружия с такой виртуозностью, что захватывает дух. Но дело даже не в этом. Представители их белокожей расы были движимы сходными целями и одинаково пренебрежительным отношением ко всем, кто не являлся потенциальным заказчиком. Их можно было понять и даже в общих чертах просчитать. Но эйсард... такого твердого орешка Кейли-Оз еще не встречала. Чего на самом деле хочет от жизни этот мужчина, она не знала. Зато прекрасно понимала, что с ним надо держать ухо востро и никогда... НИКОГДА не спорить! Кое-кто уже поплатился головой за попытку обойти Кир-Кули. Что ж, лучница будет умнее эйресарда. Как и всегда. Ведь именно она, Кейли из рода Оз, сумела за века совместной службы втереться в доверие к голубоглазому блондину с высшим уровнем силы настолько, что он не только приглашал ее переспать, но и давал особые задания.

Сто двенадцать лет назад, когда полуживая невеста из другого мира, потеряв руку и часть лица, умудрилась-таки добраться до Неронга, ее спрятали в подземных лабиринтах нижнего города и провели древний ритуал. Жизни азоров, допустивших оплошность, висели на волоске, так как в договоре с *сильнейшими* было четко прописано, что главная обязанность их группы — охрана зачарованного города от любых посетителей, не считая самих нанимателей. Невыполнение миссии влекло за собой неминуемую казнь. Никто из наемников не мог проникнуть на скрытую под землей территорию, являвшуюся полноправными владениями могущественного пленника. Там было все пропитано им, его силой, его властью... Никто бы не осмелился сунуться в логово мага, которого многие люди и нелюди сравнивали с богом. Никто... кроме Кир-Кули. До сих пор оставалось тайной, как эйсард умудрился убить ту невесту, что родила на свет Эвана, и вернуться из переделки живым. Азоры и раньше не стремились ссориться с ним, а после этого случая подобное желание у них отпало напрочь. Лу-Ла просто дура, раз решила пойти против предводителя, и она, без сомнения, получила по заслугам. Злорадная улыбка изогнула губы, ставшие аппетитно-блестящими и вызывающе-красными. Одной соперницей меньше, как это вдохновляло! Кейли-Оз придиричиво осмотрела свой быстро меняющийся силуэт.

— Так, — насмешливо фыркнув, проговорила она. — А ничего получается куколка.

В зеркале отражались необычные метаморфозы, происходящие с ее телом. Фигура уплотнялась, особенно сильно раздаваясь в груди и бедрах, кожа приобретала бронзовый отлив загара, а оранжевые глаза постепенно темнели. Окрасившиеся в светло-русый цвет волосы рассыпались по плечам небрежными локонами, черты лица окончательно

изменились, и вскоре на хозяйку шарту из зеркала смотрела человеческая женщина. Яркая, симпатичная, с округлой формой ушей и без какого-либо намека на клыки.

— Повеселимся на славу, — окутанная иллюзией азора подмигнула сама себе темно-карым глазом, в глубине которого плясали рыжие огоньки.

В свете кристаллических свечей, лучи которых наполняли таинственными бликами выдержанную в лиловых тонах комнату, обнаженное тело молодой женщины казалось особенно соблазнительным. Сквозь открытые створки окна долетала игривая мелодия подвыпивших музыкантов и смех отдыхающих в ресторане людей. Но здесь, в обители всепоглощающей страсти, господствовали совсем иные эмоции. Русые волосы Доры нежным плащом покрывали грудь лежащего на постели мужчины. Лаская и дразня, они скользили по его коже. А ненасытная красавица, словно в замедленном танце, продолжала плавно покачиваться, сидя на мужских бедрах. Вверх-вниз... снова вверх и... чуть левее, по кругу. Ее тело с аппетитными формами казалось красновато-фиолетовым от загадочных отблесков. Женщина играла со своим любовником, доводя его до исступления, а он не мог отвести взгляд от ее горящих оранжевым пламенем глаз.

Дора... О ее чрезмерной застенчивости среди горожан ходили анекдоты. Это при выбранной-то профессии! Но сегодня Дору будто подменили. Похотливая длинноволосая нимфа, бедра которой обнимали напряженную плоть мужчины, заставляя наслаждение биться на пике уже пятый раз подряд, мало походила на тихую и милую мышку, коей являлась раньше. Ее приняли в компанию женщин легкого поведения всего несколько лет назад. Она никогда не пользовалась особой популярностью, разве что в первые дни работы. Но сегодня все изменилось! Прежняя Дора стала роскошной красавицей, соблазнительной и доступной, а еще умелой и ненасытной. И как она добилась этого — с помощью возбуждающей мелки* или благодаря советам своих товарок, ее любовника мало интересовало. Бутон чувственности раскрылся, став прекрасным цветком. Дора скромная? Нет! Дора — шлюха, и после этой ночи за ней наверняка закрепится слава лучшей девочки борделя Ариландины.

Так думал Эриен, начальник городской стражи, наслаждаясь близостью с местной жрицей любви. Сладко постанывая, женщина нашептывала ему о том, как он красив и мужественен, как им хорошо вдвоем, а еще, что это все может закончиться с приходом в город иномирной сейлин*. Эриен слушал, лаская дрожащими от напряжения руками тяжелую грудь обворожительной «нимфы». Чем дольше длился этот сексуальный контакт, тем больше затуманивалось его сознание. Постепенно глаза мужчины затянула пелена, а в глубине расширенных зрачков отразился, как в зеркале, оранжевый огонь ее гипнотического взора. Мужчина был полностью во власти своей любовницы, и она не стеснялась этим пользоваться.

— Сейлин опасна, — шептали ее пухлые губы, игриво касаясь мужской шеи, плеч и груди.

— Опасна... — эхом повторял любовник.

— Сейлин надо уничтожить, — тихим проникновенным голосом говорила Дора.

— Уничтожить...

— Убить!

— О... да-а-а... Да! — сглотнув, простонал Эриен и вздрогнул, когда искусительница, легко соскользнув с него, принялась ласкать кончиком языка мужской живот и ниже.

— Убьешь? — ненадолго оторвавшись от своего занятия, спросила она.

— Да, — закусив от удовольствия губу, отозвался начальник городской стражи.

— Не допусти чужачку в нижний город! — Короткие фразы Доры, произносимые прерывистым шепотом, все больше походили на приказы, а ее жертва, плененная сетью замешанных на вожделении чар, продолжала тупо внимать им, горя в пламени доведенной до предела страсти. Эриен хотел эту шлюху снова и снова, и ради нее он был готов на все.

— Не допущу, — выдохнул мужчина, дернувшись в судороге подступившей разрядки. — Убью... — Его пересохшие губы шевельнулись, и слово потонуло в хриплом стоне наслаждения.

— Убей, милый! — Победная улыбка Доры была одновременно прекрасной и порочной. — Уничтожь сейлин, Эриен.

А тем временем на третьем этаже борделя...

Ариландина — хозяйка единственного в Неронге и потому особенно популярного публичного дома, пребывала в отличном настроении: сегодняшняя ночь наглядно показала правильность ее выбора. Почти полсотни лет она уговаривала жену портного пойти к ней работать. С того самого дня, как ее неудачливый супруг умудрился попасть под горячую руку наместника и под его проклятый кнут. Тогда-то и стала Дора не вдовой и не женой в общепринятом смысле слова. А как дальше быть? Самой-то хозяйство тянуть сложно: город хоть и попал в изоляцию, но продолжал жить своей жизнью, основанной на рыночных отношениях. Чтобы иметь средства на покупку еды, одежды и прочих вещей, требовалось их зарабатывать. А от бывшего благоверного в его новом образе помощи ждать не приходилось. Наоборот, он вел себя как прожорливая шавка с прогрессирующими позывами к размножению. И хорошо еще, что после свалившегося на Неронг проклятия здесь больше не рождались дети. Ни у людей, ни у домашних животных, ни у мумов*, в которых обращал неугодных жителей наместник.

Никто из горожан с момента заточения не старел, что было бесспорным плюсом сложившейся ситуации. Но никто и не вырастал — и это для людей, застрявших в детском облике, стало настоящей пыткой. Правда, после того как город вырвали из столичного мира Тайлаари и переместили на дикую планету, накрыв зачарованным куполом, здесь умерли все, кто был младше семилетнего возраста. И то, что около тысячи лет назад казалось жуткой трагедией, со временем начало восприниматься настоящим благом. Дора и ее муж до проклятия детьми не обзавелись, о чем никогда не жалели, глядя на мучения чужих отпрысков. В многовековой ловушке и взрослым приходилось несладко, чего уж говорить о тех, чьи тела по-прежнему оставались детскими.

Выбраться за ворота горожане не могли из-за перспективы мгновенно состариться и рассыпаться прахом, не доходя до линии гор. Впрочем, встречались безумцы, жаждущие быстрой смерти. Особенно в первые пятьсот лет изоляции, когда затянувшееся бессмертие стало надоедать, а невозможность покинуть «магическую тюрьму» вгоняла людей в апатию. Невидимый купол заклинания, наложенного *сильнейшими*, был не способен разрушить даже хозяин Неронга — его король, повелитель, бог во плоти — гай* Светлоликий. Не смог совладать с чарами и его друг наместник. Да еще и белобрысы азоры со своими

воздушными рейдами упорно не желали оставить город в покое. Вот что им нейдет? Сидели бы в засаде за горным кольцом, поджидали бедных невест, вырванных из очередного далекого мира, и не мешали мирному существованию Неронга. Так нет же! Летают, шпионов засылают, смуту сеют... Зачем? Не иначе как от скуки.

Все ведь прекрасно знали, что они тюремщики, не убийцы. По крайней мере, для горожан. Хотя наместник придерживался другого мнения. Правда, у него была отлично развита способность находить врагов даже там, где их нет. Вот, к примеру, муж Доры... Жил себе спокойно, никого не трогал, и нате вам! Попал в немилость к приятелю Светлоликого. А всего-то по пьяни выкройки перепутал и что-то там напортачил в заказанном наместником плаще. В результате бедная Дора осталась вместо супруга с полукрысой-полупсом, который вечно хотел жрать, гулять и требовал к себе внимания не меньше, чем раньше.

Год за годом женщина боролась с конкуренцией (портных лавок в отличие от публичных домов в Неронге хватало), а заодно и с навязчивыми предложениями Ариландины, которая сулила ей легкую жизнь с максимумом удовольствий и минимумом проблем. Так скромная и порядочная Дора в конечном итоге превратилась в не менее скромную, но уже не совсем порядочную шлюху. А сегодня ночью, к великой радости хозяйки, избавилась и от первой характеристики тоже, что, несомненно, должно было увеличить поток падких на новизну клиентов и денежные доходы хозяйки.

Сидя за столом, Ари мечтательно улыбалась, с наслаждением перебирая монеты. Новые девочки в стенах ее заведения были большой редкостью, ведь на протяжении многих веков население города не менялось. Белые всадники не допускали сюда гостей. Одни и те же лица на улицах, одни и те же девочки в комнатах для интимных услуг, да и клиенты тоже... одни и те же. А ведь любому мужику охота новизны, вот и приходилось Ариландине изобретать видимость оной, методично и поступательно уговаривая некогда порядочных жительниц Неронга пойти к ней на работу. Жаль, что соглашались лишь немногие кандидатки.

В дверь постучали и, не дожидаясь ответа, вошли. Точнее вкатились, а еще точнее, вкатился один круглый невысокий тип с пышной рыжей бородой, густой шевелюрой того же цвета и с ослиными ушами, торчащими не вверх, как у упомянутого животного, а в стороны, как у человека. Хотя толстый О был не совсем человек. Коктейль из рас (по большей части сложно сочетающихся) в его родословной поражал своим разнообразием. В результате шального спаривания предков получилось это шарообразное существо, падкое на деньги и курительные порошки, производство которых О освоил в совершенстве во времена своей бурной молодости.

Хозяйственный прижимистый толстяк, знающий много мелких бытовых заклинаний, стал незаменимым помощником Ариландины еще до проклятия Неронга. Тогда их публичный дом пользовался большим спросом не только у местных, но и у приезжих (залетных, заплывших и прочих) гостей. Семьсот населенных миров, объединенных магическими переходами! Шутки ли дело! Да-а-а... хорошие были времена для бизнеса. Жаль, что прошли. Но кто знает, может, идея с сейлин, о которой гласило послание Древних*, высеченное на плите, обнаруженной гаем Светлоликим в лабиринтах нижнего города, когда-нибудь сработает, и после снятия проклятия узники «магической тюрьмы» снова смогут вернуться на территорию Тайлаари. Вера в пророчество многим помогала жить дальше и находить в бесконечности собственного бытия и выгоду, и удовольствие.

— Вот видишь, толстый, — хозяйка одарила гостя победной усмешкой, — твои опасения не оправдались — скромница наша вовсе не распугала клиентов. Наоборот! — Рука

Ариландины с острыми красными ногтями и целым арсеналом всевозможных перстней потрясла кожаным мешочком, который негромко зазвенел, радуя слух обоих собеседников.

— Я рад, что Дора наконец образумилась и начала добросовестно отрабатывать свою еду и жалование. — Физиономия О расплылась в улыбке, став от этого еще круглее. — А то надоело уже выслушивать ее нытье, да еще это четвероногое недоразумение на заднем дворе кормить... — Его густые брови сдвинулись, образуя единую линию, а большие ослиные уши недовольно задвигались. — И зачем ты только тащишь сюда тех, у кого мужа с кнутом наместника познакомились? Спасу нет от этой вечно голодной скулящей своры.

— Доходы окупают затраты, — отмахнулась Ари, разглядывая свое отражение в овальном зеркале, стоящем на столе. — Да и жрут мумы не так уж и много, всего-то объедки из бара, что тоже неплохо — не надо сжигать отходы. Оставшиеся без кормильца сайи куда более уязвимы, нежели другие горожанки. Уговорить чью-либо сестру или дочь стать шлюхой... да меня с потрохами съедят ее ближайшие родственники! Ты же знаешь: все они стремятся сохранить видимость порядочности, пряча свои пороки за темной завесой тайны. Днем благочестивые граждане, ночью — кому что совесть позволяет. Лицемеры! А новые девочки попадают в город нечасто... Совсем не попадают. Была одна, и та в непотребном виде явилась. Но даже на такое безобразие я далеко не первая в очереди стояла, — женщина криво усмехнулась, покосившись на толстяка. — Кроме гая Светлоликого и наместника могу назвать минимум двадцать мужиков, готовых заплатить любые деньги за иномирянку.

— Да что ты несешь! — отмахнулся О. — Не путай фантазии местных извращенцев с реальностью. Если хоть одна девочка доползет до принца, и он сможет привести ее в Неронг... — Он мечтательно закатил глаза, а Ариландина продолжила за него:

— ...ее тут же спрячут в какой-нибудь тайной комнате нижнего города, проведут ритуал Возрождения, запрут и будут ждать результатов. А если опять ничего не выйдет, милостиво позволят кому-нибудь из белолицых головорезов убить несчастную.

— Ты пессимистка, Ари.

— Я реалистка, — фыркнула та.

— Ну, — снова улыбнулся гость, приглаживая свою пышную растительность, — я тогда буду оптимистом, все еще верящим в осуществление пророчества. И девок тогда, Ари, и клиентов у нас с тобой снова будет завались. Вот заживем! — Он мечтательно зажмурился, представляя озвученный расклад.

— Хорошо бы, — вздохнула хозяйка публичного дома. Бросив полный обожания взгляд на монеты, часть которых была рассыпана по столешнице, тихо добавила: — Всего-то одна небракованная сейлин нам всем для счастья и нужна.

В комнате Доры...

Проводив Эриена, который, чуть покачиваясь, вышел за дверь, новоиспеченная звезда борделя принялась прихорашиваться. Ночь в самом разгаре, она еще успеет обслужить многих мужчин, а заодно и как следует поразвлечься. Расчесав спутанные после любовных игр волосы, обитательница лиловой комнаты внимательно осмотрела свое потное тело и, поведя носом, нахмурилась. Такими ароматами можно распугать всех клиентов, а это в ее планы не входит. Открыв дверь смежного помещения, женщина скептически оглядела

большое корыто с давно остывшей мутной водой. Четвертый любовник ласкал ее прелести несколько минут назад, и перед каждым из них она принимала ванну. Мягко переступая босыми ногами, Дора подошла к купальне и, усмехнувшись, провела ладонью над водной поверхностью, которая по мере движения ее руки становилась прозрачной, как горный ручей, и теплой, как парное молоко.

Завязав в узел волосы, похотливая красotka быстро ополоснулась, тщательно вытерлась, а затем капнула на запястья, шею и ямочку между ключиц немного духов. Довольная, бодрая и полная сил она вернулась в комнату, открыла шкаф и, задумчиво перебрав несколько платьев, вытащила то, которое больше приглянулось. Потревоженные наряды привели в движение неопрятную кучу тряпья, лежащую внизу. Белая с синеватым отливом женская рука выпала из-под вороха одежды и стукнулась костяшками пальцев о плиты холодного пола. Новая Дора возвела глаза к потолку и, тихо выругавшись, закинула холодную конечность своей предшественницы обратно, после чего хорошенько придавила ее ногой к остальным частям тела, спрятанным за завесой разноцветных подолов.

Коварная соблазнительница и безжалостная убийца в одном лице как ни в чем не бывало принялась одеваться, после чего наскоро привела в порядок макияж и волосы. Не прошло и пятнадцати минут, как из обители порочной страсти выплыла пышногрудая красotka с оранжевым огоньком предвкушения в карих глазах. Она не замечала завистливых взглядов шлюх, чей улов этой ночью увела, ей было плевать на этих женщин, как и на их хозяев, жадно считавших принесенные ее работой деньги. Новую Дору не интересовал никто, кроме выбранных ею мужчин.

Спускаясь по лестнице с витыми перилами, Кейли-Оз в человеческом облике окидывала хищным взором расположенный внизу кабак, где за столиками распивали вино и распевали песни полуночные посетители. Выбрав тройцу плечистых и в некотором роде симпатичных особей мужского пола, женщина направилась к ним. Она всем видом демонстрировала, что готова к очередному эротическому приключению. Ее крутые бедра красиво покачивались в такт шагам, грудь в глубоком декольте призывно вздымалась, а подведенные яркой помадой губы улыбались так многообещающе, что потенциальные жертвы (а заодно и половина зала) невольно затаили дыхание, следя за приближением «Доры».

— Не желаете развлечься? — промурлыкала она, присев на край стола.

— Почему бы и нет? — Один из парней продемонстрировал ей добродушный оскал крупных желтых зубов, от созерцания которых порочная красotka чуть сморщила носик, стараясь не выдать отвращения: с закрытой пастью он ей нравился больше.

— Так идем наверх, — кокетливо подмигнула ему жрица любви. А затем добавила, немного подумав: — Вчетвером.

— А осилишь? — Общее удивление озвучил другой приглашенный.

Женщина, не спрашивая разрешения, плеснула вина в пустую кружку самого молчаливого из тройцы и залпом ее осушила. После чего демонстративно облизала свои пухлые губы и, с удовлетворением поймав на себе масляные взгляды не только собеседников, но и других гостей заведения, сказала:

— Это будет... незабываемо!

Никого уговаривать не пришлось. Поднявшись в лиловую комнату, все четверо скрылись за дверью и не выходили оттуда пару часов. Но стоило ненасытной красотке распрощаться с очарованными клиентами, как она отправилась на охоту за новыми. Ведь до прихода в город сейлин оставалось не так уж много времени, а провести внушение следовало аж двенадцати

подвыпившим стражникам, любившим по вечерам захаживать в бордель Ариландины.

В одной из пещер...

Теплые солнечные лучи, молчаливые вестники наступающего утра, скользили по моему лицу. Я сладко потянулась, не поднимая слипшихся ото сна ресниц, и повернулась на другой бок. Цепкие объятия странного видения не желали отпускать. Жуткая помесь из древних ящеров и летающих всадников с белыми, словно из гипса, лицами плавно перетекла в безмолвное общение с красивым парнем из какой-то далекой эпохи. Все было так реалистично. Я до сих пор ощущала запах сухой соломы, такой непривычный для города, и слышала журчанье воды. Хм... Кран кто-то из родителей забыл выключить в ванной, что ли? Странное сновидение по-прежнему удерживало меня на границе дремы, в то время как я ждала услышать голос мамы. Еще немного, и она войдет в комнату, чтобы это сказать: «Эй, соня! Учеба до вечера ждать не будет». Вот я уже слышу приближающиеся шаги и...

— С добрым утром, сейлин. Как вижу, ты проснулась, — проговорила мама приятным мужским баритоном.

А? А-а-а! У меня определенно сдвиг по фазе. Или это все еще сон?

Подскочив как ошпаренная, я уставилась на персонаж из ночного кошмара, который только что решительно перешел в утренний. Так вот откуда эти непривычные запахи и звуки! Неужели все происходит на самом деле? Правая рука непроизвольно потянулась к левой, намереваясь ущипнуть за запястье.

— Не надо ставить себе новые синяки, мне с трудом удалось справиться со старыми. — Приветливая улыбка сползла с лица нахмурившегося парня. — Я не плод твоего воображения. — Он отвел от меня взгляд, и мне показалось, что на загорелых скулах его появился едва заметный румянец. — Тебе лучше накинуть плащ, сейлин.

Посмотрев на себя, сидящую посреди соломенного ложа в костюме Евы, я сдавленно пискнула и не в пример ему залилась краской до корней моих длинных... чересчур длинных волос. Стоп! Откуда такая шевелюра?! Я что, несколько лет проспала? Может, у меня теперь физиономия столетней бабушки? Испуганные мысли забили тревогу, и вместо того чтобы закутаться в мужской плащ, я принялась ощупывать и разглядывать отдельные части своего тела. Молодой человек покачал головой и тихо вздохнул, переключив внимание на сложенный из плоских камней стол, куда выложил длинный, пахнущий жареным мясом цилиндр, и принялся его шинковать большим охотничьим ножом.

Кожа моя дряхлой не выглядела, напротив, она стала более гладкой и шелковистой: от вчерашних ожогов и царапин не осталось и следа, а с подбородка исчезли противные прыщики, которые раньше приходилось маскировать с помощью косметики. Волосы в отличие от лица не радовали. Пепельно-русская шевелюра превратилась в спутанную гриву разной длины, и самые короткие пряди доходили почти до колен. Сидя в облаке этого безобразия, я лихорадочно соображала, что делать со столь неожиданной прической, напрочь забыв о присутствующем человеке и о сказанных им словах. Ногти, как ни странно, не отросли, но кое-что на руках все-таки изменилось. Вернее, на одной.

Тройная металлическая спираль плотно обвивала правое запястье, но не стесняла движений и была практически не ощутима. Будто кто-то вживил мне под кожу тонкий браслет с крошечными зелеными камешками на концах. Я сжала в кулак пальцы и снова их расслабила, наблюдая за диковинным украшением. Оно плавно перетекало, повторяя движения мышц, и мне подумалось, что этот блестящий металл похож на ртуть. В порыве

исследовательского азарта я попыталась подкопнуть средний виток спирали ногтем, но тут же услышала тихое:

— Я бы не советовал.

— Что? — слетело с моих губ прежде, чем пришло осознание. — Вы... ты... погоди-ка... Ты говоришь?!

Наконец-то до меня дошло самое главное! Совершенно незнакомый мне язык стал абсолютно понятным! Ошарашенно похлопав ресницами, я зачем-то попыталась встать, но запуталась в собственных волосах и вспомнила, что до сих пор не удосужилась прикрыться. Щеки мои снова запылали. Это ж как надо было увлечься исследованиями, чтобы забыть и о присутствии нового знакомого, и о своем неприличном виде, и даже о том, что сказал мой спаситель.

КАК?! Как такое возможно? Ладно, английский, немецкий (спасибо дорогостоящим репетиторам), французский (моя личная инициатива), русский (куда же без него, родимого), но откуда в моей голове появился этот чуждый язык, не похожий ни на один из тех, что я когда-либо слышала? Много шипящих звуков и раскатистых длинных гласных, еще какие-то трудно выговариваемые, на мой взгляд, обороты и мягкие переливы буквосочетаний, как отдых после всего перечисленного. Необычно, инородно и... понятно. Более того, мои голосовые связки, как выяснилось, прекрасно справлялись с ранее не произносимыми фразами, будто были с рождения предназначены выговаривать именно их. Разве такое бывает? Еще вчера я страдала из-за языкового барьера, а сегодня... Чудеса, да и только. Тело здорово, общение двустороннее — живи и радуйся, Зоя.

Вытащив из-под себя изрядно помятый плащ, я принялась методично в него заматываться, продолжая искоса поглядывать на парня, сосредоточенно нарезающего аппетитные куски запеченного мяса. Не знаю, какого именно, но пахло вкусно. Новое открытие пришло неожиданно и немного развеселило — а ведь он смущен! Кончики ушей горят, как и скулы, карие глаза избегают смотреть на меня. С чего бы? Вчера подобных эмоций с его стороны не наблюдалось. А сегодня рядом со мной сидит сама застенчивость. Любопытно! Старательно сдерживая улыбку, я осторожно поинтересовалась:

— Это моя нагота заставила тебя покраснеть, да? Или ты что-то сделал со мной неприличное во время сна, и теперь тебе стыдно? — Голос, вопреки смыслу, звучал мирно и насмешливо.

Он сверкнул в мою сторону оскорбленным взглядом и возмущенно заявил:

— Ничего я с тобой не делал! Разве что не позволил твоей нежной коже стореть до костей от ядовитой слюны маанука.

— Нежной, говоришь? — Моя улыбка стала шире, а парень, окончательно смутившись, отвернулся и с еще большим энтузиазмом принялся крошить мясо. Если так пойдет и дальше, он превратит его в фарш. — Ну-ну, — примирительно протянула я, подавшись вперед. — Не злись, пожалуйста. У меня к тебе столько вопросов. И есть очень хочется.

Чтобы предотвратить уничтожение нашего завтрака, я положила ладонь на его руку, ту самую, что сжимала нож. Мужские пальцы дрогнули, прикрытые тонкой туникой мышцы напряглись, на лице заиграли желваки, а обращенные на меня глаза полыхнули бешеным золотом. Испуганно отшатнувшись, я сбивчиво пролепетала:

— Не... не надо... слишком мелко... резать больше не надо.

Он перевел взгляд на свой нож, и я тоже посмотрела на него. Лезвие, омытое мясным соком, блестело в свете кристаллического фонаря, принятого мною спросонья за солнце. Тут

же возникло видение, как этот острый металл так же мягко и беспрепятственно входит в мое горло. Ироничное настроение как ветром сдуло. И с чего я вдруг осмелела? Может, он вовсе не добра мне желает. Были же мысли вчера, что вылечит и использует в своих корыстных целях. Вот и клеймо уже на руку поставил! Я с ненавистью уставилась на свое запястье, окольцованное тонкими витками спирали. Неужели я теперь принадлежу ему? Спокойный голос парня вывел меня из хоровода панических мыслей.

— Это «Шелест».

— Что? — переспросила я, исподлобья посмотрев на него. Такая перемена настроения и радовала, и настораживала одновременно.

— «Шелест», — повторил он, чуть улыбнувшись. — Магический браслет, изготовленный из очень редкого сплава для безопасного и безболезненного изучения языка Тайлаари, сейлин. — Видя, что я его плохо понимаю, собеседник пояснил: — Воздействие этого магического браслета такое же мягкое и приятное для человеческого восприятия, как шелест листвы на ветру. Отсюда и название. Он стал частью твоего организма, как глаза, например, или губы, — задумчивый взгляд рассказчика задержался на моих приоткрытых в немом вопросе устах, — но не пытайся снять его, это может причинить тебе боль и нарушить гармонию, достигнутую во время сна.

Слушая его тихую речь, я размышляла над своими прежними выводами, которые, как это часто бывает, оказались ошибочными. Если парень и являлся выходцем из древних времен, то явно из очень продвинутых «древних».

— Безболезненного и безопасного, значит? — сглотнув, повторила я, мысленно призывая смелость вернуться. Парень утвердительно качнул головой. — А что, бывают и другие... магические браслеты? — с запинкой проговорила я, все больше чувствуя себя Алисой в Стране Чудес.

— Для быстрого освоения чужого языка некоторые маги используют специальные заклинания или зелья. — Молодой человек отошел от стола, оставив нож спокойно лежать на каменной плите рядом с мясной нарезкой. Он опустился на солому возле забившейся в угол меня и, хитро щурясь, спросил: — Боишься?

— Опасаюсь, — не стала лукавить я.

— Напрасно, сейлин, — серьезно сказал он. — Я пришел, чтобы встретить тебя и защитить по дороге в город. Тебе не следует меня опасаться.

— А заклинаний и зелий? — поинтересовалась я, искренне надеясь, что это звучит как шутка. Испытывать терпение визави больше не хотелось, особенно после таких приятных слуху слов о моей сохранности и о его в ней заинтересованности.

— Ну, — легкое пожатие плечами заполнило паузу, — ты уже знаешь Тайлаари, следовательно, экспериментировать с другими способами смысла не имеет.

— А что бывает при таких экспериментах? — спросила я, думая, что с тем же успехом и теми же словами могла бы беседовать с профессором физики, который жил в нашем подъезде.

— Различные побочные эффекты. Сумасшествие, например. Это в лучшем случае. Другие...

— Достаточно, — я слабо улынулась, — чую, ничего хорошего ты мне не сообщишь. Слава богам и тебе, меня эти ужасы не коснулись. — Он кивнул, соглашаясь. — Я хочу спросить тебя еще о многом, но прежде всего — как твое имя и... что означает «сейлин»?

— Мое имя Эван, — сказал молодой человек, глядя на меня в упор. — И я готов служить

тебе, сейлин, избранная посланница далекого мира, невеста, явившаяся к нам, чтобы исполнить пророчество.

Прозвучало как пафосная реплика из какого-то кинофильма, но меня задело не это.

— К-какое еще п-пророчество? — запинаясь, пробормотала я, нутром чуя, что запахло жареным. И вовсе не от мяса, остывающего на столе.

— Над нашим городом висит древнее проклятие, и снять его может только девушка, пришедшая извне, — спокойно пояснил мой визави, но это лишь добавило вопросов.

— Каким образом? — уточнила я, совладав с выкрутасами собственного голоса.

— Я сказал тебе по этому поводу все, что мне было позволено. — Он виновато потупился, пряча глаза. — Остальное ты узнаешь из уст наместника. — Я хотела возразить, но Эван не дал мне вставить ни слова. — Ты хотела есть, сейлин. Завтрак на столе. Отличное блюдо! — уводя от темы, заявил этот мастер на все руки. — Я сам готовил. Пещерные шестиногие змеи — настоящий деликатес. Попробуй! — Он взял нож, наколол на него кусочек ароматного мяса, после чего подал мне. — Тебе сильно вчера досталось. Извини, что заставил почувствовать неловкость. У меня просто не было выбора. Если бы я не обработал поврежденные места, несколько часов спустя ты потеряла бы большую часть кожных покровов, а такие повреждения восстанавливаются гораздо дольше, чем обычные ссадины и ожоги.

— Все было так плохо? — вздохнула я, задумчиво глядя на угощение. — Особой боли не чувствовалось. Или это от страха? Ведь несколько раз чуть не умерла в процессе общения с... как ты их называл?

— Маануками.

— Угу, с ними, — принимая угощение вместе с ножом, пробормотала я.

— Твою боль притупила коара* — тот напиток, которым я напоил тебя при встрече, помнишь?

Я выдала глубокомысленное «О!» и кивнула.

Желудок недовольно заурчал, требуя немедленной дегустации. Его, похоже, мало волновало, что рептилиями я раньше не питалась, тем более шестиногими. Хм, а разве у змей бывают лапы? Впрочем, неважно! Есть хотелось даже больше, чем умыться и справить утренние потребности. Интересно, голод — это такое своеобразное последствие пережитой нервотрепки или новая особенность моего видоизменившегося организма?

— Ешь, сейлин, ешь — змеи полезны. — Кудрявый кулинар с довольным видом наблюдал за тем, как я снимаю пробу с его угощения. — Коара готовится из трав нижнего города. Только наместник знает ее рецепт, ну... еще повелитель конечно.

— Это какой-то алкогольный напиток с лечебными функциями? — прожевав первый кусочек, спросила я. — После него хотелось летать и танцевать, жаль, тропа была узкая.

Эван рассмеялся, глядя на меня. А я продолжила трапезу. Вкус у странного, но хорошо прожаренного мяса был отменный. Поставлять бы таких «змеек» в питерские рестораны, озолотиться можно. Когда вернусь домой, непременно обдумаю соответствующий бизнес-план и покажу папе. Если, конечно, останется возможность посещать этот мир по собственному желанию. Может, тогда удастся с родительской шеи слезть и начать самой нормально зарабатывать?

Я отложила в сторону недоеденное мясо и грустно вздохнула. Воспоминания о семье, так долго не приходившие, теперь нахлынули горькой волной. Я ведь исчезла со свадьбы! Подставила родных! Опозорила их доброе имя. Никто не поверит в сказку о моих

перемещениях сквозь время и пространство, никто и никогда! Единственная разумная версия: капризная невеста сбежала из-под венца и скрылась в неизвестном направлении. Как же гадко все это звучит. И как правдоподобно.

— Коара — восстанавливающий эликсир, очень мощный... — объяснял тем временем Эван, но, заметив мое скисшее лицо, замолк. А пару секунд спустя озадаченно спросил: — Ты в порядке, сейлин?

— Зоя, — вставая с заметно примятой соломы, сказала я. — Прости, забыла представиться. Называй меня, пожалуйста, так, — выдавленная улыбка получилась вялой. — Пойду умоюсь да что-нибудь сделаю с этой... — жестом я указала на спутанную шевелюру, большей частью доходившую мне до пят. — С этим кошмаром. Заплести хотя бы попробую.

— Конечно... Зоя. — Он чуть отодвинулся, давая мне беспрепятственно пройти между ним и каменным столом. — Красивое имя, как и ты, — последние слова были сказаны так тихо, что я едва расслышала. Их смысл приятно согревал, отгоняя прочь холод воспоминаний о брошенной семье.

Жизнь продолжалась, и я искренне надеялась, что все еще образуется. Однако сейчас меня больше интересовали вопросы весьма приземленные. Следовало все ж таки спуститься с небес на землю и выяснить, где в этих пещерах находится уборная. Сейлин я или нет, а примитивные потребности организма пока никто не отменял. С ванной, столовой и спальней в одном флаконе я уже познакомилась. Значит, где-то есть и другие необходимые для человека помещения. И... где они?

Немного позже...

В любой неприятной истории должен быть крайний. У меня без него тоже не обошлось. Кто именно? Не я конечно же, и не Эван. Белые всадники? Нет уж! Во всяком случае, не для меня. Судя по тому, что рассказал об их обязанностях мой новый знакомый, я после встречи с ними должна была присоединиться к залежам трупов на каменистой равнине. Так что с меня еще причитается за сохранение жизни и своевременную помощь. Одному насмешливому блондину я точно задолжала... и немало. Однако вернемся к нашим баранам, то есть к поиску виноватого. Списывать все на роковые стечения обстоятельств мне не хотелось, ибо он — виновник этот — был! Именно его усатая морда стояла за всеми неприятностями. Я как живую видела наглую ухмылку на кошачьей физиономии и вызов в изумрудных глазах. Кот-призрак, кот-убийца, кот, которому не поздоровится, если он снова встретится на моем пути. К черту пацифистские взгляды и сочувствие к братьям нашим меньшим! Таких пакостных тварей, как этот отдельно взятый экземпляр, следует отстреливать на месте, без каких-либо угрызений совести.

Я бы с радостью принялась тормошить Эвана на предмет информации, необходимой для поиска хвостатого чудовища, но в процессе нашего плавно текущего разговора выяснилась еще одна малоприятная деталь: парень сжег мои вещи, пока я крепко спала, позволяя «Шелесту» беспрепятственно сливаться с моим телом и сознанием! Всю одежду! Не только лохмотья свадебного платья, но и вполне пригодное для носки нижнее белье, которое можно было просто постирать. Естественно, от подобной новости мысли о коте испарились, не успев обрести словесную форму. Ощущая себя царевной без лягушачьей кожи, я принялась

втолковывать стремительно краснеющему «Эвану-царевичу» все последствия его инициативы.

Идти в город, где давным-давно ждут сейлин, босиком и в мужском плаще на голое тело, который от первого порыва ветра окажется за спиной, желания не было. Демонстрировать местным жителям живую картину в стиле ню — удовольствие сомнительное. В конце концов, если верить утверждениям Эвана, я — избранная, так что и выглядеть надо соответственно. Дальше больше: этот очаровательный болван предложил мне прикрыть наготу волосами, дескать, длина и густота подходящие. Скажите на милость: он что, издевается? Хотя нет... сидит весь красный как рак, сосредоточенный. И все равно ни капли раскаяния в карих глазах, избегающих смотреть в мои. Не пристало, по его скромному разумению, ходить истинной сейлин в таких непотребных лохмотьях, как те, что он содрал с меня вчера. Угу, конечно: лучше голой по округе разгуливать, как король из детской сказки. Тьфу! Упрямый мальчишка со своими убеждениями. Ему-то хорошо, он в одежде. Стоп! А вот и выход.

Мысль, пришедшая в голову, была, без сомнения, правильной. Он виноват, ему и расплачиваться. Длинная туника из плотной белой ткани мне будет совсем как платье. Правда, чересчур широкое, судя по размаху мужских плеч, но за неимением лучшего сойдет. А сверху можно и плащ накинуть для создания романтического образа загадочной гостьи из будущего... то есть из другого мира. И, что самое приятное, при таком раскладе любитель сжигать чужие вещи будет вынужден сопровождать меня в полуголом виде. Смакуя родившийся план мести, я потребовала у Эвана возмещение убытков. Он, выслушав доводы, тяжело вздохнул, но спорить не стал, в очередной раз сказав, что намерен мне служить. Ах, какой покладистый... а какой красивый-то!

Я даже дышать перестала, когда он, расстегнув ремень с кучей тонких цепочек и ножнами, снял через голову тунику и подал ее мне. Мускулистый торс, широкие плечи и бронзовая от загара кожа с золотисто-каштановыми завитками на груди... да за такую модель любой гламурный журнал отстегнул бы приличный гонорар! Мысли-мои-скакуны сделали стремительный вираж от женских фантазий к очередному бизнес-плану, но здравый смысл вовремя осадил этих шустрых «лошадок», вернув меня в реальность.

Эх, какой же все-таки симпатичный сопровождающий мне достался. Парень совершенно не смущался своего вида, я же прикрыла волосами, заплетенными в две путанные косы, вспыхнувшие уши и отвернулась, прижимая к сердцу отданное без боя одеяние. Любопытно, здесь все мужчины такие шикарные, или мне просто повезло? Одеваясь, я невольно уловила запах, исходящий от присвоенной туники. Не пота, нет... скорее, полевых цветов и коровьего молока. Никогда не думала, что парень может так забавно пахнуть. Или это одеколон такой? А-ля «буренки на выпасе».

Прямого покроя туника с короткими рукавами и треугольным вырезом была мне ниже колен. Из скрученного в жгут полотенца, которым вчера меня вытирали, я сделала кушак и опоясала им талию. Длинный из-за моего невысокого роста плащ раскинул широкие фалды до самых щиколоток. Я переплела тонкие веревки на шее и завязала их аккуратным бантиком. Рыхлые из-за отсутствия расчески косы легли поверх черной ткани вдоль спины. Эван заканчивал последние приготовления пред уходом, прибирая на каменном столе и поправляя соломенную лежанку. Эта пещера, как он сказал, уже давно являлась его личной «комнатой отдыха» среди вереницы сквозных туннелей внутри горного кольца, окружавшего Неронг, тот самый загадочный город, куда он собирался меня отвести.

Регулярно получая приказы от наместника, молодой человек ходил встречать потенциальных сейлинов в надежде, что хотя бы одной из них удастся пересечь мертвую пустошь со всеми ее сюрпризами. И вчера удача улыбнулась ему, одарив своей милостью заодно и меня. За внешнюю границу скал парню выходить строго воспрещалось. Раз в неделю-две, а бывало, что и раз в месяц он отправлялся в поход, прихватив с собой полную необходимых припасов сумку. И так за годом год. Потому что только Эван мог покидать пределы зачарованного города благодаря текущей в его жилах смешанной крови. Меня эта маленькая подробность очень заинтересовала, но парень больше ничего не рассказал о себе, переключив обсуждение на дела насущные.

Нужно было отправляться в путь, туда, где ждала неизвестность. А так хотелось вернуться домой и... выйти ради разнообразия замуж. Но попытки завести подобный разговор вызывали со стороны Эвана еще большее отторжение, нежели расспросы относительно его родословной или пророчества и моей в нем роли. Поэтому приходилось вытягивать детали по крупицам и, к сожалению, не те, в которых я больше всего нуждалась. Я просто изнывала от неведения. Хотелось выяснить все и сразу, чтобы не ударить в грязь лицом. Ненавижу тайны! Особенно в столь щекотливой ситуации. Но некто очень властный велел Эвану держать язык за зубами, и он, как верный подданный своего господина, именно так и поступал. Я же решила не нервничать раньше времени, а позволить событиям течь своим чередом. Но нехорошие предчувствия продолжали шевелиться в душе, призывая к осторожности. Как бы ни нравился мне этот кареглазый парень, доверять ему полностью я не могла.

Из пространных размышлений вывело странное затишье за спиной. Кристаллический светильник все еще горел, стоя на неровном каменном полу пещеры. Эван, как я поняла, прекрасно видел в темноте, но не спешил убирать «фонарь» из-за меня, которая таким острым зрением, увы, не обладала. И вот сейчас, обернувшись, я узрела странную картину. В ярком сиянии бело-золотых лучей мой новый знакомый стоял на одном колене. Отбросив в сторону дорожную сумку и не пристегнутые к поясу ножны, он покорно склонил голову и тихо поприветствовал кого-то невидимого. Пошарив взглядом по округе на предмет живых существ, я наткнулась на маленькое черное пятно, застывшее на границе полумрака. Не человек, это точно. Может, какое-то священное животное? Сородич нашего недавнего завтрака, например.

Плохо видеть и не сделать при этом операцию было не лучшим моим решением в прошлом. Его последствия тягостным грузом легли на настоящее. Чудом выжившую линзу я потеряла вчера в купальне, и потому сейчас все, что находилось дальше пары метров, казалось мне расплывчатыми силуэтами. Осторожно ступая по холодному полу, я подобралась поближе к неизвестному существу, чтобы утолить свое любопытство и при этом не испортить торжественный момент. Всего пара-тройка мягких шагов, и ноги сами замерли на месте, а накатившую волну недоумения смыл бурный поток ядовитой злобы.

Темная фигура при ближайшем рассмотрении обрела знакомые очертания зеленоглазой твари, заманившей меня в этот жуткий мир. Усатая морда с невозмутимым видом восседала напротив Эвана и бесшумно постукивала по полу длинным хвостом. Я не обратила внимания на то, как поднялся с колена парень и замер в нерешительности, мой взгляд был направлен на поиск какого-нибудь тяжелого предмета. К счастью, камней в пещере хватало, и я, подобрав ближайший, метнула его в точный силуэт четвероногого мерзавца.

Громкий стук и... никакого эффекта! Эта юркая зараза лишь плавно переместилась

левее, подарив мне взор, полный ехидной насмешки. Ну разве кошки ТАК смотрят?! Хотя о чем это я? Передо мной же усатое чудовище с призрачными характеристиками и кровожадными планами относительно моей скромной персоны.

В повисшей тишине раздался повелительный голос Эвана:

— Прекрати!

Я не сразу сообразила, что слова относятся ко мне. Смерив мрачным взглядом парня, вставшего, точно стена, на пути к ненавистному коту, выдала:

— Он заманил меня в эту ловушку. Дай хотя бы душу отвести! Ну... и в меткости потренироваться, — добавила тише.

— Аш-ш-ше-ар-р-р, — то ли прошипел, то ли прорычал собеседник. — Поклонись посланнику Сэн, Зоя. Немедленно! — Его приказной тон мне совершенно не понравился, и я осталась стоять на месте, не меняя позы. Лишь чуть пожала плечами и сложила на груди руки, демонстрируя неповиновение.

К счастью, Эван не стал настаивать. Переключившись на кота, молча ожидающего продолжения спектакля, он извинился за мою невоспитанность, идущую от невежества, после чего наконец заткнулся и вперил настороженный взгляд в мохнатого пришельца.

Надо же... как все запущенно.

Я мрачно улыбнулась и покачала головой, выискивая взглядом более увесистый камушек. Плавное движение, легкий наклон — и вуаля, цель достигнута: темная плитка с рублеными краями легла в мою правую ладонь. Прицелившись по наглой морде, отвернувшейся от меня, я не без удовольствия запустила в нее очередной «снаряд». Тот пролетел через кошачье тело, как через голограмму, и, с размаху угодив в стену, раскололся надвое. Атакованный кот, как и в первый раз, лишь насмешливо прищурился. Он сладко зевнул, сверкнув тонкими белыми клычками, и принял расслабленную позу, развалившись на полу. Трудно задеть твердым предметом призрак, да... но попытаться все же стоило. Ведь он выглядел таким осязаемым.

В мой адрес больше не звучало никаких приказов, и это настораживало. Невинно хлопая ресницами, робко взглянула на парня, чувствуя, что несколько переборщила. И точно, в его глазах не было ярости, лишь невысказанная мука и отчаяние. Такие эмоции я не могла проигнорировать. Скромно потупившись, отступила подальше, давая понять, что на сегодня обстрел закончен. Тем более эту усатую заразу все равно камнями не достать, что и было доказано опытным путем. Кот демонстративно мягко поднялся на лапы и, вальяжно потянувшись, хозяйской походкой прошелся по пещере. Переведя взгляд с меня на Эвана, махнул хвостом, а потом, пренебрежительно фыркнув, исчез. Просто растаял в воздухе, как и тогда, на «кладбище невест».

Парень поднял на меня полные укора глаза и сдавленно проговорил:

— Что же ты наделала, Зоя? — Он нервно сглотнул, будто в горле пересохло, и сделал шаг в моем направлении. — Никто не смеет оскорблять посланников Сэн. Никто! Это может вызвать ярость наместника и, что хуже, самого повелителя! Зачем?.. — Он подошел ко мне, глядя сверху вниз, чуть встряхнул за плечи. — Таас ушел разозленным. Это плохо, сейлин. Для нас обоих, — прозвучало так грустно и устало, что моя совесть вспомнила о своем существовании.

— Нет, — покачала головой я, — эта черная бестия ушла довольной, не сомневайся. Ты просто за своими поклонами неправильно истолковал выражение кошачьей физиономии. — Отвечая на немой вопрос собеседника, пояснила: — Плевать ему с высокой колокольни и на

брошенный мною камень, и на твои дурацкие приветствия тоже. Он все это подстроил, а теперь развлекается, наблюдая за последствиями содеянного, — я раздраженно фыркнула, воскресив в памяти образ демонического звереныша. — И кстати, кто такая Сэн? — Та, в чьем услужении водятся подобные животные-фантомы, мне заранее не нравилась.

— Не такая, — размышляя над моим предыдущим заявлением, отозвался парень, — такой.

Если ты избранный, неплохо было бы узнать для чего?

Я опять сидела на чьей-то шее. Причем на этот раз в прямом смысле слова. Правда, не совсем на шее, скорее уж на спине парня, который тащил меня на себе, шагая в направлении обнесенного высокой стеной города. Признаюсь честно, таким приятным способом передвижения я доселе еще не пользовалась (катание у папы на закорках в раннем детстве не в счет). Туника Эвана была довольно длинной и широкой, подол импровизированного платья, даже несмотря на специфическую позу, не задирался и не стеснял движений. Парень нес меня в Неронг, не обращая внимания на чувство неловкости, которое испытывали мы оба. Я хотела поначалу идти сама, но он категорически запретил мне пешую прогулку. Ноги, мол, покалечу. Знать бы еще, к чему такая забота.

Хотелось, конечно, верить в благородного рыцаря из мира меча и магии, да и внешние данные у претендента были соответствующие, но мерзкий внутренний голосок не давал погрузиться в мечтания, постоянно напоминая то о незабываемом переходе через пустошь, то о таинственном пророчестве и моем в нем участии. Тело сейлин от повреждений берегут... Для каких, интересно, целей? Отвлекаясь от навязчивых комментариев одного из многочисленных «демонов» в моей голове, решила проанализировать полученную информацию. Прикрыла глаза, опустила голову на плечо Эвана и погрузилась в спасительные размышления.

Очертания города стали отчетливо видны, как только мы вышли на тропу с внутренней стороны горного кольца. Низкие зеленые холмы с островками кустарников, на фоне которых величественно возвышались одинокие деревья, окружали серый каменный массив с четырьмя высокими башнями по углам. Идти до него было еще далеко, и потому выводы раньше времени я решила не делать. Хотя первое зрительное впечатление уже оставило свой неизгладимый след в моей душе. Мне не понравился Неронг!

Этот мрачный памятник древней архитектуры посреди буйства живой природы напоминал могильную плиту на цветущем лугу. Странное дело — он притягивал и отталкивал одновременно. Хотелось любоваться, всматриваться, даже посетить его... и тут же, спрыгнув со спины услужливого посланца, сбежать обратно в горы, где есть теплая пещера, но нет холодных городских стен, таинственных пророчеств и огромных маануков. Жаль, что последний вариант не подходил Эвану. В его обязанности входило доставить сейлин в Неронг, а не отпустить ее на все четыре стороны. Оно и понятно. Судя по некоторым деталям моего долгого путешествия, такие экзотические птички, как попаданки, редко залетали дальше равнины мертвецов. Поэтому шансы мои на скорую свободу, увы, равнялись нулю.

А город ждал, отправляя своих призрачных посланников навстречу нам, избранным неудачницам, жестоко истребляемым всеми, кому не лень. Да еще этот повелитель с наместником... Кто бы мне сказал, зачем сравнительно небольшому городу понадобилось сразу два правителя? Вариант босса и его зама, что ли? Хотя, скорее, короля и шута: властолюбивого «клоуна» с дрессированными фантомами под крылом владыки-самодура. О наместнике мне удалось узнать следующее. Имя Сэн было производным от Ашенсэн и по каким-то непонятным причинам не склонялось, зато были вынуждены склоняться все, кто

обращался к этому господину, называть которого следовало исключительно «Мой Сай». Так же позволялось опускаться на одно колено, как Эван перед котом, выказывая высшую степень уважения. Ведь этот хмырь как-никак правая рука и доверенное лицо самого гая Светоликого! О местном корольке, кстати, я так ничего и не выяснила, ибо мой источник информации при его упоминании впадал в благоговейный трепет и благополучно «проглатывал» язык. И ладно! Фигура номер два на шахматной доске местного города-государства вызывала не меньший интерес.

Проявлять неуважение к Сэн было чревато. Это каралось разными способами: от заключения на несколько суток в подземелье до тесного знакомства с кнутом или демонстративной казни на городской площади. Последнее случалось крайне редко, но вовсе не потому, что наместник умел прощать. Просто люди не лезли лишний раз на рожон — за тысячу лет привыкли соблюдать правила, установленные правящей верхушкой. Меня вот тоже милашка Эван досконально проинструктировал, как следует вести себя с Сэн, когда он соизволит снизойти до общения с моей скромной персоной. А он соизволит, я же сейлин. Вот только мне почему-то совсем не улыбалось знакомиться с хозяином проклятого кота, да еще и стоя при этом на коленях. Гордость? Нет, скорее уж вредность, призванная заглушить зарождающуюся панику.

Тысяча лет... как же все-таки долго живут эти люди! Воздух у них тут целебный, что ли? И эликсиры вечной молодости в ходу. Более-менее правдоподобных объяснений данного феномена я от своего сопровождающего так и не добилась, одни отговорки: «Все, что нужно, тебе поведаст Сэн». А что не нужно, мне, значит, придется додумывать самой. С этой способностью, слава богам, проблем у меня никогда не было, а если были, то больше от нее. По имеющимся данным выстраивалась следующая картина: попала я в какой-то далекий мир, где есть зачарованный город, населенный долгожителями. У города имеется собственное пророчество, в котором, как и положено, говорится о снятии давно опостылевшего всем проклятия. Часть пророчества, если не суть, некая сейлин — девушка извне, пришедшая по воле судьбы (читай: по наводке одной усатой морды) в это малоприятное место.

Чтобы попаданке добраться до города, надо было пройти через ряд испытаний. Совсем как в виртуальной игре, только с реальными угрозами! К ним относились: монстры-маануки, всегда готовые позабавиться с гостьей, устроив догонялки, быстро переходящие в «футбол», где вместо мяча использовались части человеческого тела. Далее по списку следовали всадники на вивернах. Этот уровень, если верить Эвану, преодолеть было куда труднее предыдущего. Азоры, как на языке Тайлаари назывались охранники-тюремщики, уже тысячу лет патрулировали подступы к Неронгу, не пропуская туда гостей. Так что те, кто чудом выживал после встречи с ящерами, имели честь познакомиться с магическими «бомбами» или другими видами оружия белокожих убийц. На этой стадии обычно погибали даже самые удачливые невесты. Меня же почему-то помиловали. Надеюсь, что не из-за устроенного представления и не из-за «дивного» внешнего вида. Хотя кому-то, помнится, было весело. Если это меня и спасло, я готова сменить выбранную профессию с художника на клоуна.

Так, что еще упустила? О! Магию конечно же! В этом мире она столь же обыденна и привычна, как у нас телевизор или ноутбук. На моей руке браслет, благодаря которому я знаю чужой язык, хотя не учила. Тело после многочисленных травм и ожогов выглядит лучше, чем раньше, а волосы, заметно прибавив в объеме, за ночь выросли почти до пят. Хм, а может, я

сплю, и все это мне просто снится? А что? Пошла за котом, споткнулась, упала... кома. Чем не правдоподобный расклад? А то маануки, белые всадники, наместник с призрачными тварями — какой-то дикий квест в фэнтезийном антураже получается! С другой стороны, выбора-то все равно нет. По настоящему это происходит или только в моей голове, от участия мне, увы, не отделаться. Да и любопытно, чего уж.

В обычной жизни из магии я знала лишь святочные гадания, которые больше походили на розыгрыши. А тут зелья, заклинания, светящиеся кристаллы и еще много всего, что я пока даже представить себе не могу. Интересно, немного страшно и, безусловно, экзотично. Так что скучать в Неронге мне, похоже, не придется. Если, конечно, в пророчестве не сказано, что сейлин должны скормить заживо какому-нибудь маануку, прочитав при этом заковыристый речитатив. Впрочем, и это действие скучным не назовешь. Скорее уж нежелательным, а еще лучше — недопустимым. Кстати, я все-таки узнала, что означает «аше-ар»! Местное ругательство, естественно. Наиболее подходящий аналог — демон. Почему? Все просто: аше-ар — создание, обладающее сверхъестественной силой и мерзким характером. Имея прекрасные способности к созиданию, эта тварь предпочитает разрушение. Чем не демоническая сущность? На роль же наших мифических чертей я определила здешних мирдов* — выходцев из Бездны, которая в моем понимании была альтернативой нашего загробного мира.

Мысли мои были прерваны резкой остановкой Эвана. Подняв голову от его плеча, я разглядела причину. Черный ворон, отделившись от стоящего на пути дерева, сделал почетный круг, облетев нас. Парень медленно поставил меня на землю, после чего, к моему огромному удивлению, снова опустился на одно колено, правда, на этот раз поприветствовал не кота, а птицу.

«Очаровательно! Здесь, похоже, принято поклоняться животным с угольной окраской, — пронеслось в голове и отразилось кривой усмешкой на моих губах. — Может, стоит и это создание, парящее на бело-розовом фоне пушистых облаков, проверить на призрачность? Всего-то и надо запустить в него чем-нибудь тяжелым».

Эван, будто почуяв мое настроение, предостерегающе взглянул на меня, поднимаясь. Я состроила самую невинную мордашку, на какую только была способна в эту минуту, после чего даже тихо поздоровалась с птичкой, высокомерно взиравшей на нас сверху. В конце концов, пернатый меня сюда не заманивал, так что антипатия моя распространялась только на черного кота. Ворон сделал еще один круг над нашими головами, после чего благополучно отправился к воротам города. Я мысленно отметила гордый размах его больших крыльев, блестящие перья, стремительные и в то же время необычайно плавные движения, после чего сделала вывод, что Сэн неплохо укомплектовал армию своих посланников. Что кот, что птица были потрясающе красивы.

— Продолжим путь, Зоя? — услышала рядом тихий голос Эвана.

— Ты не устал тащить меня на спине? — Я улыбнулась, переминаясь с ноги на ногу: трава, на которой стояла, была мягкой, но холодной.

— Ты легкая как пушинка, сейлин, — с серьезным видом отозвался он. — Но если хочешь, я могу нести тебя на руках...

— Нет уж, — сказала уверенно, решив, что созерцание его покрытой золотистым «мхом» груди будет даже более отвлекающим, нежели изучение шеи и плеч. — Давай как раньше, и мне привычно, и тебе удобно.

Он не стал возражать, легко приподнял меня и закинул к себе на закорки. Я обняла его

талию ногами, а руки, как и раньше, сцепила кольцом на шее. Волосы парня, затянутые в тугой хвост, приятно щекотали мне лицо, пробуждая непривычное волнение. Стараясь утихомирить проснувшиеся гормоны, я снова закрыла глаза и задумалась. Первые мысли, конечно, были об Эване. Отогнав их, воскресила перед внутренним взором окруженный глубоким рвом город с каменными стенами, мостами и тяжелыми воротами. Что меня ждет в этом загадочном Неронге? Может быть, ничего страшного? Я же все-таки сейлин. Робкая надежда не добавляла уверенности. А приближение к городу вселяло тревогу.

В городе...

Неронг был одет в камень разных форм и оттенков: фигурное мощение извилистых улиц, подпорные стенки и дома... красивые, ухоженные. Малоэтажные особняки с выступающими террасами, разноуровневыми крышами, в черепичных изломах которых скрывались одинокие окна или балконы, с ажурными перилами парадных входов, обвитых зеленой сетью растений, с клумбами, полными цветов, и с маленькими двориками, обнесенными невысокими коваными ограждениями. Или вытянутые трех- и четырехэтажные доходные дома с фасадами, каждый из которых можно было смело отнести к произведениям искусства. Над массивными входами отданных под лавки этажей пестрели вывески на языке Тайлаари. Яркие шатры над выносными прилавками разноцветными «кострами» полыхали среди темно-зеленого убранства аккуратных скверов. Там были беседки и скамьи, а еще фонари с кристаллической макушкой, едва мерцающей днем. Все это напоминало тщательно отшлифованный макет города, его искусную декорацию, но никак не место, где живут люди. Тем не менее они тут жили, причем больше тысячи лет. Каким чудом за эти годы Неронг сохранился в столь ухоженном виде, оставалось загадкой. И единственный ответ, который я могла найти для нее, было емкое слово «магия».

Еще проходя через гостеприимно открытые ворота, поняла, что повышенное внимание со стороны горожан мне обеспечено. Молчаливые стражники в легких кожаных доспехах не сводили оценивающих взглядов с моей босоногой фигуры, но так и не осмелились что-либо сказать. Даже спиной я ощущала их заинтересованные, прожигающие взоры, от которых было неуютно и немного жутко. Я шла, вцепившись мертвой хваткой в локоть Эвана, а он, напротив, выглядел расслабленным и умиротворенным. Парень был дома в отличие от меня.

По мере нашего продвижения улицы города заполнялись людьми, их любопытство казалось почти осязаемым, я будто касалась невидимой пелены из шепотков и взглядов, которая постепенно обволакивала меня, отрезая путь назад. Горожане изучали меня, как картину в музее. Кто-то улыбался, кто-то одобрительно кивал, кто-то просто нагло пялился, не испытывая при этом никакой неловкости. Тихие женские голоса за спиной с жаром обсуждали мою угловатую худобу, бледный цвет лица и небрежную для сейлин прическу. Хорошо им говорить, они небось не в лапах маануков свое свободное время проводят!

Словно прочитав мои мысли, какая-то пожилая матрона принялась громко охать, удивляясь тому, что я прибыла сюда в целостности и сохранности. Другая восхитилась длиной моих волос, будто коара — результат опытов моего мира, а не их. Мужчины же предвкушали грядущий ритуал. Интересно, какой? Могли бы углубиться в подробности ради разнообразия, а не только многозначительно цокать языками да ухмыляться, разглядывая меня, словно

товар в витрине. С каждым шагом я двигалась все более механически, натянув на лицо бесстрастное выражение со слабым намеком на улыбку. Для этой разношерстной толпы... такой чистенькой, выложенной, разодетой я была лишь винтиком во временно застывшем приборе, недостающей деталью запланированного развития событий. Для них сейлин просто вещь, доставленный по адресу товар. Им плевать на мои чувства и мысли. Им важен итог. И если мне вздумается отказаться играть по их правилам, они вряд ли это потерпят.

Я шагала вперед на «деревянных» ногах, ощущая себя заведенным манекеном, который ничего не замечает и не чувствует. Чем явственней становилось осознание моего положения, тем паршивей было на душе. А горожане продолжали прибывать, заполняя каменную мостовую. Такие разные и такие безликие. Они все чем-то неуловимо напоминали друг друга. Не внешним обликом и даже не нарядами... Просто в их лицах присутствовало нечто общее, какой-то единый отпечаток. Может быть, века, проведенные вместе, оставили свой след? Дружелюбие этих людей отдавало фальшью, я не испытывала к ним расположения и совсем не хотела тут оставаться.

А Эван вел меня дальше, кивая каждому встречному мужчине, отпуская короткие комментарии женщинам и раздаривая дежурные улыбки девушкам. Кто-то одолжил ему рубашку, которую он накинул на плечи, не завязывая шнуровку. Еще один сердобольный горожанин с подобострастным поклоном вручил парню свой жилет. Я почти не смотрела на Эвана, рассеянно скользя взглядом по человеческим лицам и изредка цепляясь за самые необычные. Меня поразили глаза ребятни: спокойные, немного усталые и... не детские. В них не было искорки плутовства, лишь рассудительность, оценивающая сдержанность и любопытство с ожиданием, как и у всех остальных. Станный город, странные жители, странная ситуация! Хорошо еще, что люди держали дистанцию, а то мое показное спокойствие давно уже переросло бы в откровенную панику. Соприкасаться ни с кем, кроме своего спутника, я не хотела. Даже не знаю, что именно являлось причиной, страх или безразличие. Видимая чистота вокруг, по моим личным ощущениям, была с душком.

Эван осторожно убрал мои руки со своего локтя и, попросив немного подождать, направился к накрытому пурпурным шатром лотку за цветами. Оставшись одна в окружении чужих взглядов, я почувствовала, что тону в этой вязкой трясине назойливого внимания. Завязки на шее почему-то начали давить, мои дрожащие пальцы потянулись к ним, стремясь освободить горло. Глубокий вздох не принес облегчения. Здесь даже воздух был каким-то неестественным: слишком чистым и безвкусным, будто его специально закачали под прозрачный купол для общины избранных. Или так оно и было? Проклятие, чары — все это как раз и не исключало тот самый магический щит, который поддерживал в Неронге тепличные условия для жизни населения. Поэтому люди тут так долго не умирали, хорошо выглядели и неуловимо напоминали актеров большой слаженной труппы, раз за разом выходявшей на подмостки с одной и той же пьесой.

Мои инстинкты били тревогу, а органы чувств отторгали этот безупречный город с его радушным населением. Во рту пересохло, мышцы лица стянула бесстрастная маска, а побелевшие от напряжения пальцы стиснули несчастный плащ, который все еще покрывал плечи и спину вопреки ослабленной шнуровке. Несмотря на приветливость горожан, столь активно демонстрируемую мне, я ощущала тщательно скрываемое лицемерие. Улыбающиеся мужчины, женщины, дети... они с радостью кинули бы меня в объятия маануков или сдали, перевязав подарочной ленточкой, белым азорам, если бы это принесло им желанную выгоду. Так что же за пророчество должно осуществиться благодаря сейлин? Что, черт побери, они

намерены со мной сделать?!

Потеряв опору в виде мужской руки, я поняла, что боюсь. Никто не приближался, не подходил ко мне, но присутствие этих людей в радиусе нескольких метров давило на психику. А Эван все медлил, выбирая букет. Вот ведь... идиот галантный! Зачем мне цветы? Разве что на могилку. Толпа колыхалась, как воды морские, она наблюдала, ждала, у меня же прогрессировала внезапно разыгравшаяся демофобия*. Призвав остатки спокойствия, я сделала шаг в направлении Эвана. Люди впереди отхлынули, как живая волна, будто боялись испачкаться, соприкоснувшись со мной. Или, может, боялись испачкать? А сзади раздался глухой удар твердого предмета о каменное мощение. И вокруг все стихло, словно по волшебству.

Я резко обернулась, услышав, как разрезают воздух края моего плаща и как поют на ветру длинные косы. Казалось, упади сейчас на землю монета, звон ее будет подобен удару колокола. Ватная тишина давила на уши. А на месте, где я стояла пару секунд назад, лежала длинная стрела со сверкающим металлическим наконечником. Не отдавая отчет своим действиям, я протянула к ней руку и тут же почувствовала, как со свистом мимо моего плеча пролетела очередная остроносая убийца с белым оперением на хвосте.

Фальшивое радушие пропало, показуха потеряла смысл, и на лицах горожан проступили настоящие эмоции: растерянность, непонимание, страх. Мне почудилось в этот момент, что пахнуло жизнью, и сердце забилось чаще. Однако упоение было коротким, ведь атака, пусть и искренняя, имела цель — мою смерть. А умирать не хотелось совершенно! Как ни приятен запах горящей бумаги, он опасен, если за ним грядет пожар. Глупая радость прошла, отрезвив на прощанье рассудок. Я вся сжалась, испуганно озираясь по сторонам. Но в хаосе чужих лиц не было ни капли сострадания. Ужас, паника... они боялись еще больше, чем я. Люди расползались в стороны, как тараканы, отдавливая друг другу ноги и шепча, причитая, выкрикивая: «Всадники!», «Азоры!», «Налет!», «Спасайся!», «А-а-а!»

Обо мне словно забыли. Я стояла в окружении мечущейся толпы и с двойственным чувством наблюдала их бегство. Взгляд скользил по трусливым жителям, их домам, оградкам и чистому голубому небу, на котором не было никаких серебристых виверн, лишь редкие хлопья розовых облаков на безмятежно-голубом небе. Сквозь хаотичное мелькание чужих фигур я увидела Эвана с зажатыми в руке цветами. Обескураженный, растерянный, он в буквальном смысле слова потерял способность двигаться, застыл посреди творящегося вокруг бедлама. Всего в нескольких шагах от меня... в нескольких бесконечно длинных шагах. Словно замороженная, я продолжала смотреть в его расширенные глаза и не двигалась с места. Меня не задевали, не толкали, от меня шарахались как от прокаженной, и это было даже хорошо. Чья-то массивная туша заслонила парня, но тут же самоустранилась, с громкой руганью и фырканием забежав за угол соседнего здания. Когда я снова увидела Эвана, он уже с завидным упорством пробирался ко мне, расталкивая народ.

Мешая друг другу, сталкиваясь, спотыкаясь, размахивая руками и голося, кто во что горазд, некогда спокойные жители Неронга никак не могли выбрать общий вектор движения, отчего их бегство превращалось в свалку тел. О боги, и проклятие с этих людей мне предстоит снимать?! Чем же их прокляли-то? Малодушием и вероломством? Я шагнула навстречу парню, но черная тень, упавшая сверху, заставила меня отскочить назад. От неожиданности сердце ухнуло, застучав где-то в пятках, дрожь в руках передалась и другим частям тела, а способность говорить пропала. Пересохшие от волнения губы беззвучно открывались, как при нехватке воздуха, когда я в изумлении смотрела на застывшую на уровне моих глаз птицу. Провисев пару секунд, она камнем рухнула вниз, кубарем прокатилась по дорожному покрытию и замерла с раскинутыми крыльями на тротуаре.

Черный посланник Сэн с изумрудными глазами, тот самый, которого мы с Эваном встретили по дороге сюда. Не бесплотный призрак, как Таас на пустоши, а настоящий живой ворон, из груди которого торчала адресованная мне стрела. Он поймал ее на лету, закрыв

меня собой. Я больше не слышала криков, не видела людей, они будто перестали существовать, превратившись в смазанные силуэты. Осталась только умирающая птица, которой я хотела помочь. Не думая об опасности, уже трижды непрозрачно напомнившей о себе, я наклонилась к раненому посланнику, желая коснуться его блестящих перьев, ощутить, что он еще жив, защитить от ног беглецов, проносящихся мимо. Но стоило руке приблизиться к ворону, как неподвижные крылья встрепенулись — Каас с молниеносной скоростью взмыл вверх и... увеличился в размерах. Мое зрение было не в состоянии уловить процесс трансформации, я обнаружила лишь ее результат. Нереально большая птица с горящими зеленой глазами в очередной раз заслонила меня своим телом, которое теперь пронзали уже четыре стрелы.

Рядом заверещал грузный мужик. Споткнувшись, он растянулся на тротуаре и, замешкавшись, тоже схлопотал болт. Оглянувшись по сторонам, я поняла, что досталось не только ему. Кое-кто получил и более тяжелые ранения. Стрелы, не нашедшие мишень, валялись на земле. Сколько же их было? Десяток? Два? Лучники перестали целиться или просто решили подкорректировать численность местного населения? Подумать на эту тему я не успела, так как Эван схватил меня со спины и, протаскивая через улицу, с силой втолкнули в дверь расположенного напротив дома. Находившиеся там люди с недовольным оханьем скрылись за темной занавеской, за которой виднелась лестница. Краем глаза я заметила в небе очередной рой точек, летящих в нашу сторону, а в толпе замелькали кожаные доспехи пробирающихся к нам стражников.

Изрядно покалеченный ворон, внимательно проследив за нами, равнодушно окинул взглядом горожан и, развернувшись, взлетел. Он уменьшился так же быстро, как и вырос. При этом стрелы, торчащие из туловища и крыльев, мягко выскользнули и упали на мостовую. Эван захлопнул дверь дома, лишив меня фантастического зрелища. С улицы доносились крики людей, не сумевших скрыться от очередного обстрела. Топот, стоны пострадавших, проклятья, а потом как лезвием по стеклу — громкий женский визг, перекрывающий все другие звуки. Мой спаситель выдал целую тираду непонятных ругательств, помянул напоследок мирдов вместе с аше-арами и, наказав мне не высовываться, бросился на помощь к молодой женщине, бледное лицо которой было видно через открытые ставни. Она была милой, немного растрепанной и такой беззащитной, что у меня самой сжалось сердце от жалости. Не прошло и минуты, как тяжелая дверь снова открылась, и в холл ввалился Эван с незнакомкой на руках. Она дрожала всем телом, карие глаза блестели от слез. Как только ноги ее, обутые в туфли на квадратных каблуках, коснулись пола, женщина заголосила:

— Помоги им, Эва-а-ан! Помоги же! — Ее ладони буквально вытолкнули молодого человека обратно за порог. — Там все погибнут, все! Это азоры! Они как с цепи сорвались. Пытаются добить сейлин. Это их работа! Помоги людям, умоляю!

Парень не стал спорить, пылая желанием спасти сограждан, мне же оставалось лишь молча наблюдать за происходящим. Ну, а что я, собственно, могла возразить?

— Сидите здесь! — Слова Эвана потонули в грохоте захлопнутой двери.

— Конечно, — отозвалась сердобольная горожанка, задвигая для надежности засов.

Она посмотрела на меня, вытерла ребром ладони остатки слез и... улыбнулась. Лицо ее расслабилось, сменив эмоцию горя на ярко выраженное дружелюбие. Женщина двинулась вглубь комнаты, поманив меня за собой.

— Идем скорей, возле окон оставаться опасно! — повелительно проговорила

русоволосая незнакомка и, дождавшись, когда я подойду, крепко обняла меня за талию. — Как тебе понравилась торжественная встреча?

Странный вопрос застал меня врасплох. Я недоуменно моргала, глядя на собеседницу и не зная, что следует ответить. У нее были мягкие черты лица, но жесткий взгляд. А цвет глаз постепенно менялся, в то время как сильные пальцы все крепче сжимали мои бока. Женщина настойчиво притягивала меня к себе, заглядывая в лицо, и я начала сомневаться в том, что намерения ее безобидны.

— Никак, — выдохнула совсем рядом с ее улыбающимся ртом и попыталась отстраниться, но не тут-то было. — Что вы делаете?! — Тело мое напряглось, противясь объятиям, но ее не волновало мое несогласие. Я почувствовала влажное прикосновение чужого языка к моей щеке, когда резко отвернулась, стремясь избежать настоящего поцелуя.

Город извращенцев! Какой-то затянувшийся ночной кошмар... Может, стоит заорать или съездить ей по морде? Спишу потом все на стресс и временное помутнение рассудка.

— А ты ничего, — она засмеялась, закусив пухлую губу, — маленькая такая, свеженькая, миленькая.

Я обалдело смотрела на женщину, не зная, где мне хуже — в ее компании или под обстрелом на улице. Оранжевые глаза этой особы насмешливо щурились, а улыбка на губах играла самая что ни на есть предвкушающая. Оранжевые? А ведь были карие. Признаться, я испугалась. Словно прочитав это на моем лице, незнакомка сухо проговорила:

— Ничего личного.

Воспользовавшись моим замешательством, она прижала меня своим телом к стенке, чем свела на нет все попытки вырваться. Болезненный укол острого лезвия обжег живот, будто змеинный укус. Я вскрикнула, но ее рука тут же зажала мне рот, а зловещий шепот обстоятельно разъяснил:

— Ты попала не в то место и не в тот час, милая. Я оказываю тебе большую услугу, поверь. — Ее очередная улыбка была менее ослепительной, зато более клыкастой. Я что-то мычала, пытаюсь вырваться, но растущая боль отнимала силы, а рыжие огоньки в глазах моей убийцы разгорались все сильнее.

Никого не было рядом. Хозяева сбежали на второй этаж, Эван демонстрировал свое благородство за порогом, а я с ужасом смотрела в лицо «волка», явившегося за мной под видом перепуганной «овечки». Все, game over... последний уровень в игре под названием «Путь в Неронг» я, похоже, не прошла. Второй удар ножа был предназначен моему сердцу. Не хватило всего пары миллиметров, чтобы острый клинок пронзил грудь. Я с безразличием обреченного смотрела на украшенную бордовыми камнями рукоять, на острый клинок с разводами моей собственной крови и на дрожащие от попытки сопротивления пальцы женщины с хищно заточенными ногтями. Смотрела и слушала... хруст.

Когда ее рука неестественно обвисла, выронив оружие, пришло осознание, что это хрустели кости незнакомки. В следующий миг пышногрудая женская фигура отлетела от меня, словно надувная кукла, отброшенная прочь порывом сильного ветра. Как поломанная игрушка, она впечаталась в стену, медленно сползла по ней вниз и злобно прошипела:

— Ты!

— Аш-ш-ше-ар, — тот, кто все это проделал с моей убийцей, шипеть умел не хуже.

— К твоим услугам! — Женщина, несмотря на жуткие травмы, начала снова подниматься. — Ты испортил мне все представление. — Ее странные глаза прожигали противника насквозь. Я даже перестала замечать боль, пораженная происходящим.

Откуда взялся этот мужчина? Ведь не было слышно ни шороха его плаща, ни звука шагов. Или в преддверии собственной смерти я просто ничего больше не замечала? Кожа клыкастой стервы пошла белыми пятнами, волосы засеребрились, черты лица, телосложение, рост — все изменялось и тут же возвращалось к прежнему облику, будто шла какая-то внутренняя борьба трансформаций. Я смотрела на нее, не веря в то, что такие чудеса происходят в реальности.

Меня вернула к действительности мужская ладонь, рванувшая с моего плеча плащ. Чужие пальцы нащупали рану под мокрой от крови туникой, вызвав болезненную судорогу. Я взвыла, стиснув зубы и кулаки. А спаситель решил все-таки меня добить, ибо схватил на руки и понес к столу. Кожные покровы пришли в движение, потревожив дыру в животе. Больше не сдерживаясь, я завопила, захлебнувшись от обильного потока слез, брызнувших из глаз. Все расплывалось: цвета, предметы... лицо моего спасителя в обрамлении темных волос. Треск разрываемой ткани, жесткое прикосновение ледяных пальцев, три... нет, четыре несильных надавливания в разных точках живота на небольшом удалении друг от друга, затем болезненный нажим на рану и замирание, от которого жгло еще сильнее, но кровь почему-то перестала сочиться. Он не убирал руку, продолжая держать ее в выбранном положении. Я же балансировала на грани бессознательности от ощущений, которыми это сопровождалось.

Холод... ледяная волна, слишком медленная, неприятная... Она постепенно распространялась от его кисти, отвоевывала сантиметры моего тела. Создавался эффект заморозки, боль становилась ноющей, постоянной, но в то же время терпимой. Сквозь пелену слез я пыталась рассмотреть внешность мужчины, но кроме зеленых, неестественно зеленых, как бутылочное стекло, глаз ничего не видела. Когда меняющая облик убийца напала на него со спины, он даже не обернулся, продолжая зажимать мою рану. Я не смогла проследить взглядом за его движениями, они оказались чересчур стремительными для моего заторможенного восприятия, но то, как женщина, снова русоволосая, фигуристая и почему-то со здоровыми руками, отлетела в сторону, я все-таки заметила.

— Ты меня достал!

Ее гневный голос не предвещал ничего хорошего, но мужчина никак не прореагировал, занятый моим лечением. В следующей нечеткой картинке я увидела, как эта разъяренная фурия формирует на ладони огненный шар, похожий на тот, что швырнула в меня вчера белокожая всадница. Я пошевелила губами, сиюсь предупредить об опасности, но странный лекарь прислонил к ним палец и тихо приказал:

— Заткнись!

Энергетическая «бомба» полетела в его спину, но была перехвачена свободной рукой. Как? А черт знает! Черт и этот уникум в темно-зеленом плаще. Однако факт оставался фактом: в его ладони лежал, переливаясь огненными красками, смертоносный подарок. Дальнейшие события заставили охнуть женщину и окончательно шокировали меня. Мужчина поднес шар к губам и демонстративно выпил его, выпустив в ее сторону тонкую струйку дыма.

— Бездна! Да кто ты такой? — не выдержала она, но вместо ответа получила кривую усмешку, на которую натолкнулась и я, переведя взгляд на его лицо.

В глаза бросилась очередная деталь: тонкий шрам на левой скуле незнакомца. Будто вычерченный острым предметом символ, навсегда ввевшийся в кожу. От него веяло чем-то жутким и в то же время загадочным. Словно под гипнозом я потянулась рукой к мужскому лицу. Он перехватил мое запястье, но кончики пальцев успели коснуться зловещего узора.

Меня тряхнуло, как от удара током. Снова занял живот, несмотря на заморозку, блокирующую боль. Но все это не имело значения, так как перед широко распахнутыми глазами пролетели странные картины из чужой жизни. Такие быстротечные, неуловимые и яркие, как вспышка молнии на черном небосводе. Я ничего толком не поняла, осталось лишь послевкусие от вороха каких-то негативных эмоций и один-единственный образ. Волосы цвета алого пламени, смуглая кожа, победный огонь в нереально-зеленых глазах и холодная усмешка, кривящая красивые мужские губы.

О боги! А это еще что за персонаж?!

Меня придавили к поверхности стола, разодрав несчастную тунику до самой груди, и продолжили лечение. Полуголая, окровавленная и шокированная внезапным видением, я тупо смотрела на мужчину, не смея ему перечить. Очень уж раздраженным показался мне блеск его прищуренных глаз. Зато напавшая на нас женщина в прострацию не впала. Она создала еще три огненных шара и, швырнув их в разные углы, побежала наверх, пожелав на прощанье мне и моему защитнику сгореть заживо. Перспектива была весьма актуальной, ибо комната благодаря взорвавшимся «бомбам» вспыхнула как свеча. За какие-то считанные секунды все помещение охватил огонь, такой же яркий и безжалостный, как глаза беглянки. Никто не бросился ее догонять, никому не было до нее дела. Мужчина, по-прежнему спокойный, даже безразличный ко всем ужасам, творящимся вокруг, еще несколько раз коротко надавил вокруг раны, которую я, кстати, совсем перестала чувствовать, затем накрыл меня чудом уцелевшим плащом, и, подняв на руки, понес к двери.

Он двигался так нестерпимо медленно, что я заволновалась. Куда делась его нечеловеческая скорость, когда она действительно нужна? Огонь кровожадным зверем простирал к нам свои скрюченные лапы, но тут же отступал, будто наткнулся на что-то опасное. Пламенные бутоны пожирали мебель, драпировки, стремительно перемещаясь в сторону других комнат. Ненасытные... им всего было мало! Пожар, раздосадованный нашей неприкосновенностью, метнулся вверх завоевывать новые территории. Громкие крики людей оповестили о его приходе.

— Кто... ты? — попыталась заговорить я, но холодное и непреклонное «Заткнись!» отбило у меня всякую охоту общаться.

Дым не пламя, он оказался более проворным и наглым. Недавно просохшие от слез глаза снова начали слезиться, в легких поселилась несвойственная им тяжесть, которая вскоре обрела форму душераздирающего кашля. Я судорожно глотала воздух, но получала лишь смертоносный газ, а мужчина по-прежнему нес меня к двери сквозь расступающуюся перед ним стену огня. Слишком медленно. Когда я начала задыхаться, едва не теряя сознание, он меня поцеловал. Хотя поцелуй — это громко сказано. Склонился, прильнул к губам и... вытянул через рот всю ту дрянь, которой я успела надышаться. Потом откинул назад голову и не без удовольствия проделал тот же «фокус», что и после поглощения огненного шара. Тонкая струйка, выпущенная им, плавно потекла вверх, присоединяясь к дыму, который хозяйничал повсеместно. Мужчина взглянул на меня прищуренными глазами и усмехнулся.

Наверное, я представляла веселое зрелище, лежа на его руках с округлившимися от изумления глазами, отвисшей челюстью и атрофировавшейся способностью дышать. О последнем просто забыла, находясь под впечатлением случившегося. Не знаю, что с момента нашего прихода в Неронг поразило меня больше: люди, стрелы, ворон с его превращениями, убийца с нереальной регенерацией или вот этот зеленоглазый тип. Уверенность в том, что я

знаю, кто ОН, крепла с завидной быстротой, а вместе с ней в душу закрадывался страх. Дверь отворилась раньше, чем мы успели до нее добраться. И это было большой ошибкой ринувшегося на порог Эвана. Пламя, ощутив новую наживу, вырвалось наружу, едва не превратив его в обгорелый труп. К счастью, у него хватило ума и ловкости отпрыгнуть в сторону.

Господин «фокусник» тем временем дотащил меня до выхода и небрежно бросил в руки только что отряхнувшегося парню. Мне показалось, что последний собирался рухнуть на колени, но поимка моего сильно похолодевшего и порядком онемевшего тела избавила его от подобного стремления. Парень смотрел на стоящего напротив мужчину, как баран на новые ворота. А тот медленно наклонился и, подобрав с земли стрелу, задумчиво повертел ее в руках. Я же все-таки вспомнила о потребности дышать, и с удовольствием набрала полные легкие воздуха. Благо дело, этого добра на опустевшей улице хватало.

Пренебрежительное отношение зеленоглазого меня, конечно, задело, но не настолько, чтобы ему об этом сообщать. Мне вообще не хотелось с ним разговаривать. Вот мы и молчали с Эваном на пару: он, виновато потупившись и крепко прижав меня к себе, и я, уткнувшись носом в его испачканную чужой кровью грудь и не желая ничего больше видеть. Следовало догадаться еще и уши закрыть, тогда бы я не слышала хрипловатый мужской голос, холодно проговоривший:

— Отнеси ее в комнату, смежную с моей мастерской. На второй уровень нижнего города. Я не целитель. Рана заблокирована, но не устранена. Делай, что требуется... — Короткая пауза, а затем отдающее металлом: — Немедленно!

— Да, Мой Сай, — выдохнул парень и понесся вдоль улицы с покореженными массовым бегством фонарями. Обстрел давно закончился, как и всеобщая паника. Вокруг стояла гробовая тишина.

— Кто... — Я прикусила язык от сильной тряски, но это не изменило моих намерений прояснить ситуацию. Вцепившись ногтями в плечо Эвана, я прокричала, насколько хватило сил и мощи голосовых связок: — Кто это был?!

Он посмотрел на меня, как на ненормальную, даже чуть притормозил, перейдя с бега на быстрый шаг. Прождав ответа добрые полминуты, я снова заговорила:

— Это ваш повелитель? Это ведь он, да? Тот, который жутко всемогущий.

— Это Сэн, Зоя, — почему-то шепотом пояснил собеседник. — И да, он жутко всемогущий.

— Вот как, — вздохнула я, размышляя.

Селекционер странной живности представлялся мне несколько иначе: я думала, что он выглядит как умудренный сединами старец с крючковатыми пальцами и морщинистым лицом — типичный вариант колдуна из кино, а этот... хм, да я ведь даже не могу толком вспомнить его внешность! Кроме зеленых глаз и странного шрама в памяти ничего не осталось. Вроде высокого роста. Руки холодные, сильные, большие. Волосы? Кажется, черные. И больше ничего не всплывало в голове, кроме его самоуверенности и впечатляющих «трюков». Я даже перестала обращать внимание на возобновившуюся тряску, обдумывая новое знакомство. Покоя не давала единственная мысль: если наместник способен выделывать такое, то что же из себя представляет гай Светлоликий?

Кейли-Оз, спалив по пути большую часть дома вместе с его обитателями, поднялась на чердак и, выбив ногой дверь, вышла на крышу. Она все еще выглядела как погибшая от ее руки Дора, но внешний облик сейчас мало ее занимал. Никакой погони не было, да и кому преследовать провалившуюся задание наемницу? Наместнику? Он слишком занят раненой девчонкой. Азора раньше видела его только со стороны и всегда старалась оказаться как можно дальше от этого мрачного типа. Сегодня же им впервые за несколько веков довелось столкнуться лицом к лицу, и, надо отдать должное Сэн, он не разочаровал. Слухи, ходившие о нем, вполне соответствовали действительности. Вот только в простого мага, случайно застрявшего в Неронге, Кейли-Оз больше не верила. Не могут «простые маги» пить энергетические бомбы и двигаться со скоростью, неуловимой даже для таких, как она. Не могут и все тут! Значит, приятель гая Светлоликого тоже из *сильнейших*.

— Наместник, — зло сплюнула женщина, шагая по крыше. — С-с-скотина зеленоглазая! Самоуверенный истукан, сломавший все мои планы! Лучше бы сидел в своих подземельях и изобретал рецепты новых эликсиров! — Здоровой рукой она вытащила спрятанный в корсете свисток и поднесла к губам. Звук, издаваемый им, был неуловим для слуха обычных людей, но тот, кому он адресовался, отлично слышал призыв хозяйки. Вторая рука азоры немного ныла после вправления и ускоренной с помощью магии регенерации, но особых беспокойств уже не доставляла.

Кейли-Оз брела по крышам близко стоящих зданий, перепрыгивая с одной на другую. От каблуков, неудобного и бесполезного изобретения людей, она избавилась еще на выходе, остальные атрибуты человеческой привлекательности ее не сильно беспокоили. Длинные юбки, расшитые золотой нитью, излишки на теле, придающие округлость бедрам, груди и коленям, тушь, утяжелившая ресницы, — все это не было столь обременительным, как те ужасные туфли, что азора отдала на растерзание огню. Туда им и дорога! Лучше уж идти босиком, чем скакать на громоздких «копытах».

Под чужой внешностью по-прежнему находилась сильная и ловкая наемница из расы аше-ар. От рождения наделенная способностями созидания, как и все остальные белокожие, она усердно растрачивала свои таланты на совершенно противоположные цели. Вот и сейчас, шагая по шуршащей под ногами черепице, расстроенная азора создавала огненные шары и разбрасывала их куда попало, с удовольствием предвкушая, что в течение нескольких минут после ее ухода они начнут взрываться, нанося ущерб городу. Пусть маленькая, но пакость наместнику и его подданным!

С помощью нескольких «бомбочек» можно было заставить светиться тысячи мерилитовых кристаллов*, используемых для ночного освещения улиц и домов. Или обеспечить теплом целую деревушку, если с помощью нехитрой магии преобразовать энергию шара в жидкость и залить полученное вещество в отопительный агрегат. Но аше-ары предпочитали лепить из энергетических нитей, пронизывающих пространство, миниатюрные сферы с большим разрушительным потенциалом. Так было интересней и, учитывая их профессию, гораздо выгодней.

Но и первоначальную природу заложенной от рождения силы белокожая раса тоже использовала. Перевоплощения, ускоренное восстановление телесных повреждений, приручение и подчинение любой живности, не считая особо умных особей, способных

противиться такому к себе отношению, — все это аше-ары применяли для достижения своих личных целей. Кейли-Оз, дабы продлить приятное времяпрепровождение на долгие часы, частенько практиковала магию жизни на любовниках, раз за разом восстанавливая их мужскую силу. Вспомнив о ночи, женщина зло прошипела:

— Кретины! Кобеля2 недоделанные! И это называется лучшие стрелки Неронга? Убить одну безоружную девку не смогли, а ведь она стояла на виду в гордом одиночестве... — Оскалив острые клыки в презрительной усмешке, азора в сердцах швырнула в окно соседнего дома очередную «бомбу». — Труссы, а не мужики! — бормотала Кейли-Оз, продвигаясь навстречу виверне, силуэт которой замаячил среди облаков. — Нет чтобы подойти ближе и удавить девчонку! Спрятались, замаскировались, заняли позицию на таком расстоянии, что в открытую мишень попасть не смогли. Идиоты! А потом и вовсе устроили показательный полет стрел из разряда «кто не спрятался, мы не виноваты». Зачем?

Ей не были понятны мотивы зачарованных любовников. Когда все пошло наперекосяк, она взяла «вожжи» в свои руки, решив проявить инициативу и довести дело до победного конца. Отличная актерская игра, почти настоящие слезы в испуганных глазах — и этот благородный дурачок Эван собственноручно донес ее до цели. Все шло как по маслу, пока не появился наместник. Забери его Бездна в свои цепкие объятья!

[Купить полную версию книги](#)

notes

Примечания

Здесь и далее к словам, помеченным звездочкой (*), см. примечания в конце книги.